

ГУРОВА

АННА

МОЙ ДРУГ БЕССМЕРТНЫЙ

Злые боги

должны

бояться

добрых

богов.

Поэтому

в Петербурге

добрые боги

страшнее

злых...

Черный клан

Анна Гурова

Мой друг бессмертный

«Анна Гурова»

2005

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Гурова А. Е.

Мой друг бессмертный / А. Е. Гурова — «Анна Гурова»,
2005 — (Черный клан)

ISBN 5-17-033478-8

Ее зовут Вероника. Она трудный подросток из неблагополучной семьи. Но однажды обрывок случайно услышанной мелодии открывает ей путь в ее настоящую судьбу, в мир Мертвого бога... Его зовут Лешка. Его сбила машина, И это был не несчастный случай, а жертвоприношение. А тот, кто его спас, не просто вернул Лешку к жизни, а выкупил у служителей неведомого божества. Выкупил собой....

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 5-17-033478-8

© Гурова А. Е., 2005
© Анна Гурова, 2005

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	41
Глава 9	50
Глава 10	54
Глава 11	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Анна Гурова

Мой друг бессмертный

Эти люди узнают то, что не могли еще узнать, и видят то, что не должны были бы видеть. А между тем души их глухи к магии, и мертвые для них не живут, и небо им кажется черным.

Ю. Латынина. Сто полей

Пролог

Лешка вернулся из школы около четырех и уже в прихожей почувствовал, как классно пахнет свежесваренным борщом. У него потекли слюнки. Не теряя времени на мытье рук, скинул куртку и ботинки, прошел к плите, снял крышку с кастрюли, зачерпнул поварешку, поднес ко рту...

– Ку-уда?

Лешка оглянулся – в дверях позади него стояла мама.

– Привет, мам. Очень кушать хочется.

– А в тарелку налить руки отвалятся? Из-за тебя вся кастрюля скиснет.

– Но я сам видел, как папа тоже ест из кастрюли! Он туда лазал поварешкой, и ты ему ничего не сказала!

– Папе можно, – возразила мама, оттесняя сына от плиты. – Папа может хоть тапком хлебать. Он на этот суп заработал. А ты – пока нет.

Не очень-то и хотелось, – буркнул Лешка, слегка обидевшись, и бросил поварешку в мойку.

– Ну, теперь будет дуться, – засмеялась мама и потрепала его по макушке, как маленького, хотя Лешка в свои четырнадцать был уже почти выше ее. – Подожди пять минут, я тебе накрою по-человечески.

– Давай! Я пока почту сниму, – сразу повеселел Лешка и отправился к себе в комнату.

Но и там его поджидала засада. Включив компьютер, Лешка обнаружил, что его не пускают в Сеть. Провайдер требовал новый пароль. Очевидно, закончилась десятичасовая Интернет-карта. Лешка рассердился. Вечно эта карта заканчивается в самый неудобный момент! Именно тогда, когда он ждет письма от приятеля из Тампере, к которому собирался съездить в гости на осенних каникулах... Но делать нечего – надо было покупать новую карту.

«До ларька пять минут, – подумал Лешка. – Как раз успею сбегать, пока мать на стол накрывает».

– Мам, – попросил он, вылезая из-за стола, – дай стошку на Интернет-карту!

– В столе возьми, в кабинете.

Лешка взял из ящика сто рублей, накинул куртку, крикнул: «Я на минутку!» – и отправился за новой картой.

Ближайшие Интернет-карты продавались в ларьке «канцтовары» в вестибюле метро «Озерки». На улице было мерзко просто на редкость, даже для этого времени года – а был конец октября, неделя до осенних каникул. Ранние сумерки, серое небо, с которого что-то капает, да еще и ветер. Стоило Лешке выйти из арки, как ледяной шквал чуть не сорвал с него куртку. Лешка съежился, запахнул полы куртки и побежал поскорее к метро, где сухо и тепло.

Перед проспектом Энгельса он притормозил, бросил взгляд влево, увидел метрах в пятидесяти темно-синюю иномарку. На автомате прикинул – пропустить или проскочить? Решил,

что успевает, и рванул на другую сторону. Но через три шага споткнулся на ровном месте и упал, больно стукнувшись коленом. Неожиданно над самым ухом завизжали тормоза.

Удара Лешка не почувствовал. Боли тоже не было. Просто с секундным опозданием он понял, что летит. Мир перевернулся, уменьшился, распался на разрозненные куски. Пятно серого неба где-то сбоку, мокрый асфальт – очень близко и четко, но почему-то сверху. Кажется, где-то кричали, как будто совсем издалека.

Потом асфальт бросился Лешке в лицо; еще один страшный удар – и вдруг настала тишина. И свет начал гаснуть, как будто поворачивают выключатель. Над головой у Леши промелькнуло лицо мужика, который был за рулем иномарки. Бледное, на лбу – капли пота, а в глазах: «Ну я и влип! Попал на ровном месте!» Губы мужика беззвучно шевелились, руки трясли Лешку за плечи. Лицо помаячило секунду, а потом растворилось в сгущающейся темноте. «Я же умираю!» – подумал Лешка, все еще не до конца веря, что это случилось именно с ним. Потом на него накатила ужас.

Он рванул, но не почувствовал тела. Попытался крикнуть, но не смог. Через мгновение понял, почему не может: легкие не работают, дыхание остановилось. Боли по-прежнему не было, сознание было странно ясное, как будто время замедлилось, отсчитывая последние секунды. Лешке стало так страшно, как никогда прежде в жизни. От страха и жалости к себе у него потекли слезы. Потом вдруг стало все равно. «Умираю...» – подумал он снова, на этот раз почти равнодушно.

И тут все изменилось. Вернулся страх, а вслед за ним, нарастая, нахлынула боль. Лешка заорал, забился на асфальте и почувствовал, что его держат. Руки были горячие и держали его, словно клещи; казалось, что вся боль и ужас исходят именно от них. Но Лешка ощущал и другое – если эти жестокие руки его отпустят, ему снова станет все равно, он успокоится и тихо уснет. Лешка набрал воздуха, заорал громче прежнего и услышал свой крик. Легкие снова заработали.

– Держите меня! – закричал он, хватая спасителя за руку. – Держите крепче!

Глава 1

Выкуп

Боль неожиданно отхлынула, как будто какой-то кран открыли, и она вся через него вытекла. Лешка перестал орать, приподнял голову, оглянулся. Сбивший его автомобиль, темно-синий «Фольксваген-пассат», косо стоял посреди дороги, а встречный поток машин кое-как, на маленькой скорости, просачивался сбоку. Неудачливый водила трясущимся пальцем тыкал пальцем в кнопки мобильного. Вокруг уже собрались зеваки, глядя на жертву ДТП с ужасом и любопытством. Рядом с Лешей стоял на коленях темноглазый бородатый мужик средних лет, крепко держа его за плечи горячими руками и пристально глядя в лицо. На врача «скорой помощи» он не походил.

– Не шевелись, – сказал бородатый. – Дыши ровно. Не болит?

– Кажется, нет, – пробормотал Лешка.

Рука бородатого быстро огладила Лешкин затылок, пробежала по спине.

– И кости целы. Ну надо же...

Лешка приподнялся на локте, потом сел, держась за руку бородатого. Ощущение в теле было странное, зудящее, как будто пропускают слабый ток. Но боль действительно ушла.

– Что вы мне сделали? – заикаясь, спросил он. Бородач скорчил легкую гримасу – дескать, не стоит разговоров.

Увидев, что Лешка сел и вертит головой, зеваки вышли из ступора, взволнованно загалдели и придвинулись ближе. К Лешке подскочил обрадованный водитель.

– Жив? Не покалечился? – И тут же свирепо заорал: – Какого хрена ты под машину кинулся, идиот? Вон переход, там и ходи! Да меня бы, бля, из-за тебя в тюрьму посадили!..

Какая-то женщина протянула бородачу бумажную салфетку:

– Лицо ему вытрите, весь в крови...

Вокруг гудели прохожие.

– «Скорую» вызвали?

– Что там?

– Пацана задавили!

– Что творится, Боже мой – уже третий на этом самом месте...

Лешка машинально обтер лицо, уронил грязную салфетку на асфальт, растерянно оглянулся. Теперь, когда было ясно, что беда миновала, он почувствовал, что ему срочно надо домой.

– Куда собрался? – слышались голоса. – А «скорая»?

– Сейчас менты приедут, уже вызвали.

– Пусть лучше полежит, вся голова разбита...

– Я себя нормально чувствую, – просипел Лешка. – Можно, я домой пойду?

– Пусть идет, – поддержал его водитель. – Чего парню на дороге валяться?

– Мальчик, лучше дождись милиции, – посоветовал кто-то. – Этому орлу хорошо: нет пострадавшего – нет ДТП.

– По закону обязан оплатить лечение...

– Гоняют по городу как ошалевшие!

– Мне надо домой, – настойчиво повторил Лешка.

– В принципе, почему бы и нет, – вдруг поддержал его бородатый. – Серьезных травм у тебя нет, а «скорую» и из дома вызвать можно. Ты здесь близко живешь?

– Да.

– Пошли, отведу тебя к родителям.

С чужой помощью Лешка поднялся с асфальта. Ноги были ватные, но, сделав шаг-другой, он решил, что с поддержкой вполне сможет идти.

– Вы меня до самого дома доведете? – спросил он бородатого.

– Доведу, куда ж я денусь, – проворчал тот. – Пустил бы я тебя с сотрясением одного гулять. Где твой дом?

Лешка на секунду задумался.

– Тут... недалеко.

Бородач покосился на пострадавшего и нахмурился.

– Ты адрес-то не забыл?

– Нет.

– Дома кто-нибудь есть?

– Да, – решительно ответил Лешка. – Пошли скорее. Меня ждут.

Спроси его, откуда взялась уверенность, что его ждут, Лешка объяснить не смог бы. Бородатый пристально посмотрел ему в глаза.

– Ждут, говоришь? Это хорошо... Ну, веди.

Зеваки безропотно расступились перед ними, и они пошли – Лешка, опираясь на руку бородача. У метро Лешка остановился, задумчиво посмотрел на родной дом – многоэтажку с высокой аркой по ту сторону проспекта Энгельса, – а потом решительно направился в противоположную сторону. Почему-то он точно знал, что его ждут совсем в другом месте.

Обойдя ларьки у метро, Лешка пошел напрямик к маршруткам, выбрал ту, которая шла в сторону центра, и без колебаний в нее забрался.

– Ты же вроде сказал, что недалеко, – заметил бородатый.

– Минут десять... до «Удельной».

Эти сведения бородатого, кажется, устроили. Он заплатил за проезд, уселся напротив Лешки. Несколько секунд они глядели друг на друга. Потом Лешка слабо улыбнулся и протянул руку.

– Меня Леха зовут. А вас?

– Виктор, – после паузы проворчал бородач, осторожно пожимая Лешкину ладонь. – Чего под машину-то бросился? На метро спешил?

– Нет, Интернет-карту шел покупать.

– Это ради карты надо было ехать до «Озерков»?

– Там ближайший пункт, – ляпнул Лешка.

– А возле Удельной их не продают, что ли?

Лешка смешался.

– Не знаю.

– Как – не знаешь? – снова насторожился мужик.

«Да что он привязался со своими дурацкими вопросами?» – неожиданно рассердился Лешка. Но вслух говорить ничего не стал – все-таки бородач ему помогал.

Маршрутка была почти пустая. Сидела еще какая-то толстая тетка, которая покосилась на Лешу и быстро отвернулась. Лешка представил, как он выглядит, и усмехнулся – джинсы грязные, мокрые, куртка лопнула по шву, руки и лицо в следах крови... Жертва ДТП. А тетка, наверно, думает – шпана. Выпил, подрался...

– Ты случайно не сердечник? – спросил вдруг Виктор.

– Что?

– Сердце не больное?

– Вроде не жаловался, – с недоумением ответил Лешка. – А что?

Мужик помолчал, посмотрел на него.

– Ты ведь даже не покалечился, – сказал он. – Голова не пробита, позвоночник цел, ребра, руки-ноги в порядке. Непонятно...

– Что непонятно?

– Почему ты вдруг начал умирать. Я было подумал – обычный травматический шок. Но нет... Что-то с тобой, парень, не так.

– В каком смысле «не так»? – в свою очередь насторожился Лешка.

Мужик пожал плечами, давая понять, что и сам не знает. Лицо у него стало задумчивое и встревоженное.

Напротив «Удельной» Лешка остановил маршрутку и свернул куда-то во дворы кирпичных «брежневок». Минут через десять он остановился напротив парадной одной из пятиэтажек. Парадная была без кода, дверь болталась на соплях. У входа на клумбе торчали засохшие бархатцы.

– Мне сюда, – сказал Лешка, указав на окна второго этажа возле угловой парадной. – Спасибо, что помогли. Без вас бы я...

Он бросил взгляд на своего провожатого – и осекся. Бородач его не слушал. Он напряженно вглядывался в темноту подъезда.

– Тебе этот дом точно знаком? – спросил он. – А то, знаешь, после такого удара по голове можно родную мать не узнать...

– Ага. Вон, занавески знакомые, – подтвердил Лешка, глядя на гардины с бахромой и коричневыми цветами. И цветы на подоконнике он сразу узнал, даже с расстояния. Подумать только – когда маленьким был, знал каждый цветок в лицо – какой у него ствол, какие листья. Теперь спроси, какие у матери на окнах цветы, так ни одного не вспомнить. А на кухне на подоконнике стояла хлебница, а на крышке у нее – фиалки в пластиковых баночках. В детстве Лешка в эти баночки, бывало, яблочные и апельсиновые косточки закапывал – и ждал, вырастет что-нибудь или нет. Так ничего и не выросло. Вон она, хлебница, и сейчас там стоит. Только фиалок нет...

– Ты правда тут живешь? – негромко спросил Виктор.

– Живу, – уверенно сказал Лешка.

– Подумай хорошенько.

Лешка старательно подумал. Посмотрел на хлебницу. И вдруг вспомнил.

– Точно – не живу! – потрясенно выговорил он. – Я тут в детстве жил. Это бабушкина квартира. Мы отсюда переехали, когда я был в третьем классе» – папа купил квартиру на Энгельса...

«Ничего себе провалы в памяти, – подумал он. – Чуть не забыл, где живу! Кому рассказать – не поверят».

Виктор стоял, о чем-то думал, поглядывал на Лешу и хмурился.

– Ты сказал, что тебя ждут.

– Ага.

– Кто тебя ждет?

Лешка растерянно промолчал, поглядел на окна.

– Бабушка, наверно, – неуверенно сказал он. – Кто же еще?

Бородач Виктор смотрел на окна. Вид у него был какой-то нервный. Лешка поглядел на него, и ему тоже стало неудобно, непонятно почему. Как будто холодным ветром потянуло...

– В принципе, какая разница? – нарочито беспечно сказал он. – Зайду к бабушке, позвоню родителям.

– Одно могу сказать точно, Леха, – проговорил бородач. – Тебе туда ходить нельзя.

– Почему?

– М-м-м... Ну, считай, что это интуиция. Поехали-ка отсюда, – решительно скомандовал он.

Лешка заупирался. Он знал, что должен делать: войти в подъезд и позвонить в дверь, а дальше все будет как надо.

Ветер усиливался. Определенно похолодало. В небе закружились редкие снежинки. «Первый снег», – невольно отметил Лешка.

– Пошли отсюда быстро! – рявкнул бородач. – Если еще не поздно!

– Но...

За углом дома раздался хруст песка и шорох шин. Бородач оглянулся и вдруг стал какой-то жесткий и собранный.

– Все, теперь поздно, – сухо сказал он. – Влипли. Лешка оглянулся – и увидел, как в танце снежинок во двор медленно въезжает черный джип с тонированными стеклами. По Лешкиной коже почему-то побежали мурашки.

– Это кто? – сдавленным голосом спросил он. Бородач с отвращением посмотрел на джип и сказал:

– Полагаю, это за тобой.

Джип остановился напротив бабушкиной парадной. Классическая бандитская тачка, мощный и роскошный, но странный – незнакомой формы, неизвестной марки, а на радиаторе серебрится надпись: «INFINITY». «Бесконечность», – перевел Лешка. Или, по-нашему, – «беспредел». Дверь со стороны водителя открылась, и на улицу вышел бандит.

То, что это был бандит, сомнений не вызывало. Даже если бы он ездил не на джипе, а в метро, это было первое, что приходило на ум. Не то чтобы его внешность была очень характерной – скорее просто отталкивающей. При виде этого выпуклого лба, крупного носа, тяжелого подбородка, а особенно – холодных глаз под нависшими веками, сразу становилось ясно, что этот человек хорошими, добрыми делами заниматься не может.

Бандит обошел свой джип, посмотрел на Лешу жутковатым взглядом исподлобья и улыбнулся. Вернее сказать, оскалился.

– Ты чего свалил с перекрестка? – спросил он хриловатым голосом. – Почему я должен бегать за тобой по всему городу? У меня что, других дел нет?

– Вы кто? – пролепетал Лешка. В его мозгу молнией пронеслись образы: сбивший его мужик вызывает братков, братки похищают Лешу, ставят папу на счетчик, папа продает квартиру, денег не хватает, Лешу убивают...

Бандит, словно в ответ на эти мысли, распахнул заднюю дверь своего «беспредела» и коротко скомандовал:

– Полезай!

– Минуточку, – раздался голос Виктора. Лешка в панике вцепился в его руку. Бандит уставился на бородача, как будто только что его заметил.

– Сянь! – Мертвые глаза бандита тускло блеснули. – Вот оно что! Зачем ты забрал его с перекрестка?

«Они что, знакомы?» – изумился Лешка.

– Я не забирал его, – спокойно ответил Виктор. – Он ушел сам. Я решил проводить его – и только пару минут назад догадался, что он ищет Вход.

– Вход? – Взгляд бандита брезгливо обежал «брежневки». – Здесь?

– Там, – бородач указал на окна второго этажа, – жила его бабушка. Она, вероятно, недавно умерла и сейчас ждет его, чтобы указать дорогу в Нижний мир.

– Умерла? – прошептал Лешка. У него внезапно ослабели колени. Как он мог забыть?! Бабушка действительно умерла уже полгода назад. И квартира эта давно продана...

– Все это понятно, – холодно сказал бандит. – Но почему он пришел сюда в своем теле?

– Что ты на меня смотришь? – вспыхнул вдруг бородач. – Да, я его вытащил! Я не могу так взять и пройти мимо, когда рядом со мной на дороге умирает ребенок!

– Сянь, – укоризненно сказал бандит, – ты случайно глаза дома не забыл? Ты же видел, что это место – Жертвенник!

– Я не заметил, – буркнул бородач. – Не до того было.

– Так впредь смотри, чтобы не возникало подобных неувязок. Договорились?
– Значит, это была Жертва, – прошептал бородач. Казалось, он постарел прямо на глазах.
– Всё, время, – бросил бандит. – Парень, полезай в машину.
– Нет! – пискнул Лешка, прячась за спину Виктора. Он не вполне понимал, что тут происходит, но то, что он слышал, нравилось ему все меньше и меньше.
– А как насчет бабушки? – спросил вдруг бородач. – И остального клана? Они в курсе?
– Вопрос с предками парня уже улажен. Прародителям хорошо заплачено. Не парься, это не твои проблемы.
– Я с ним никуда не поеду! – выкрикнул из-за спины бородача Лешка. – Пусть валит отсюда!

Рука бородача сжала запястье Леши.

– Конечно, не поедешь, – подтвердил он.

– Я не понял, – зловеще произнес бандит.

– Чего уж тут не понять? – спокойно сказал бородач. – Я его тебе не отдам.

На лице бандита проступила плохо скрытая растерянность. Он явно не ожидал такого поворота событий.

– Сянь, ты рискуешь, – прорычал он. – Ты соображаешь, во что ввязался?

– Ты знаешь, я всего лишь человек, – мягко сказал бородач. – Но парня не отдам. Извини.

Бандит посмотрел на него неподвижным змеиным взглядом, пожал плечами, вытащил мобильник и набрал номер.

– У нас тут проблемы, – сообщил он кому-то, неприязненно поглядывая на бородача. – Сянь... Спер жертву... да, прямо с Жертовника... Ага, не хочет отдавать. Что? – Бандит ухмыльнулся. – Зачем?

На мгновение оторвавшись от разговора, бандит спросил:

– Шеф интересуется, зачем тебе парень?

– Ни за чем. Отпущу на волю, – пожал плечами бородач.

Бандит хмыкнул и повторил в трубку его слова. Потом выслушал ответ.

– В общем так, – сказал он, не выключая трубку. – Сам по себе парень никакой ценности не представляет. Но шеф сказал – тут вопрос принципа. При всем уважении, исключений для тебя не будет. Парня мы забираем. И не дергайся, сюда уже едут.

Виктор прерывисто вздохнул. Лешка, решив, что слышал достаточно, отпустил его руку и рванулся убежать. Но в ту же секунду рука бородача мертвой хваткой впиалась в его запястье.

– Я предлагаю обмен, – сказал бородач. Белесые брови бандита поползли вверх.

– В каком смысле?

– Возьмите меня вместо него.

Бандит секунду смотрел на него, приоткрыв рот. Потом прижал к уху трубку и быстро заговорил.

– Шеф согласен! – объявил он вскоре.

– Еще бы он не был согласен, – проворчал Виктор.

Бандит, не обратив внимания на эту ремарку, дослушивал по телефону дальнейшие указания.

– Поехали? – спокойно спросил Виктор, делая шаг к машине.

Лешка рефлекторно вцепился в руку бородача. При мысли о том, что сейчас его спаситель исчезнет в недрах черного «беспредела», он испугался как маленький. Но, к его облегчению, бандит сказал:

– Не торопись. Слово сказано, и ты никуда не денешься. А шеф еще не решил, как тебя приспособить к нашему полезному делу.

– Пусть подумает, – согласился Виктор. – Я от него бегать не собираюсь. Когда и куда мне явиться?

- Не беспокойся, мы сами за тобой приедем.
- Когда?
- Шеф подаст сигнал.
- Какой именно?
- Обычный, световой.
- А я его замечу?
- Его будет трудно не заметить.
- А как я узнаю, что этот сигнал именно мне?
- Этот сигнал будет трудно с чем-то спутать, – ухмыльнулся бандит. – Когда увидишь его, приходи... ну хоть к Жертвеннику. Встанешь ближе к метро, рядом с остановкой. Мы тебя там подберем.
- Я там буду.
- Заметано. Ну, тогда... – Бандит небрежно помахал рукой и направился к джипу. – До скорой встречи. Дурак ты, Сянь, между нами говоря. Не понимаю, как ты так долго прожил.
- Виктор не ответил и не попрощался.
- Бандит сел в свой джип, завел мотор, и «беспредел», шелестя покрывками, исчез за углом. Лешка проводил его напряженным взглядом.
- Свалил! – выдохнул он. – Слава Богу! Кто это был?
- Бородач стоял, глубоко задумавшись. Вид у него был озабоченный.
- Что, парень? – проговорил он, видя, что Лешка на него смотрит. – Тебе не кажется, что я слегка погорячился?
- Объясните мне наконец, что тут происходит! – напустился на него Лешка.
- Для начала уйдем из этого паршивого двора... Бородач развернулся и пошел в сторону «Удельной», рассуждая вслух:
- Да, с точки зрения логики, здравого смысла и элементарной математики я поступил глупо. Этот обмен вопиюще неравнозначен. Возможно, он повлечет такой колоссальный вред, какого никогда бы не принесло незначительное, совершенно рядовое жертвоприношение. Но будь я проклят, если жалею о том, что сделал! Я абсолютно точно знаю, что, спасая тебя, поступил правильно...
- Я не совсем въезжаю, чего этому бандюге было от меня надо, – перебил его Лешка. – Из его слов я понял, что меня вроде хотели принести в жертву?
- Хотели, – не стал отпираться бородач.
- Но кто? И кому? Зачем? И почему именно меня?
- Лично в тебе, Леха, нет ничего выдающегося, кроме невезения. Ты просто оказался в ненужное время в неподходящем месте. На будущее даю совет – через тот перекресток больше не ходить. Даже на зеленый свет.
- Лешка понимающе кивнул.
- А... слушай, ты же предложил вместо меня взять тебя! И что с тобой теперь будет?
- Об этом-то я и думаю, – со вздохом признался Виктор.
- Убьют?
- Бородач вдруг засмеялся, и в этом смехе промелькнуло нечто жутковатое – в точности, как в улыбке давешнего бандита.
- Чисто теоретически это возможно, – сказал он. – Но маловероятно. Убивать меня – это сложное, трудоемкое, да и просто невыгодное занятие. Нет, они найдут мне применение, да такое, что лучше бы сразу убили.
- Да кто – «они»?! – не выдержал Лешка.
- Те, кто приносит жертвы, – сухо сказал Виктор. – И те, кому их приносят. Извини, Леха. Есть вещи, которые обычным людям знать не нужно и опасно.

– Но я же пострадавший, – упорствовал Лешка, – А если этот тип на джипе опять за мной приедет?

– Да он о тебе уже забыл. Для таких, как он, люди – пыль под ногами. Живи спокойно, Леха, никто за тобой не приедет.

Тем временем они вышли на проспект Энгельса и теперь шагали в сторону метро «Удельная». На улице уже совсем стемнело, сыпал мелкий сухой снег. Вспыхивали огоньки автомобилей, тепло светились окна домов. Мерзкий промозглый день превратился в красивый тихий вечер. Лешка вдруг подумал о том, что всего этого он мог уже не видеть. Если бы не Виктор, лежал бы он сейчас в реанимации, а еще вернее – в холодильнике морга.

Виктор, словно прочитав его мысли, остановился и сказал:

– Ну, Леха, давай прощаться. Рад был познакомиться. И пусть судьба к тебе будет более благосклонна, чем сегодня. Теперь пару слов насчет сотрясения...

– Какого сотрясения? – не понял Лешка.

– У тебя, если ты не в курсе, сотрясение мозга. Довольно серьезное. Забыл, что ли?

– А почему тогда у меня не болит голова?

– Потому что твоя боль у меня, – совершенно серьезно сказал Виктор. – Я ее забрал... на время. Чтобы тебе было полегче добраться до больницы. Но когда буду уходить, верну ее тебе. Мне она ни к чему. Так что слушай. Никакого специального лечения не нужно. Полностью поправишься примерно через месяц. Головная боль, рвота, временная потеря зрения – все это пройдет. Просто отлежись пару недель, от физкультуры освобождение на два месяца, ноотропил попей, не помешает – да тебе в больнице все скажут. Удачи!

– В какой больнице? – туповато переспросил Лешка. – Какая потеря зре...

Виктор улыбнулся – ободряюще, чуть печально, – потрепал Лешу по плечу, отвернулся и через секунду исчез в снегопаде.

– Ушел! – возмутился Лешка. – Ни «здрассте», ни «до свидания»!

Исчезновение бородача почему-то болезненно аукнулось в организме – как будто взяли и отключили искусственную почку. Остались тревожная пустота и неустойчивое равновесие. Лешка на мгновение почувствовал себя карточным домиком. Потом дунул ветер, и домик рухнул. Лешка ощутил болезненный спазм сосудов мозга, в глазах потемнело, следом накатил одуряющая тошнота. Огни автомобилей расплылись и растаяли в черном облаке. Затылок пронзила острая боль. Лешка застонал и покачнулся, схватившись за голову. Потом его вырвало, и он упал без сознания на заснеженный тротуар.

Глава 2

Песня в темноте

Весь день был серый, блеклый – не день, а один нескончаемый вечер. И когда наконец стемнело, стало как-то легче. А потом еще и ветер задул, где-то в стратосфере и в слоистых, красноватых от городского свечения облаках возникла черная арка звездного неба. Арка росла вверх и ширилась прямо на глазах, снеговые облака стягивались к востоку и расползались по краям неба, пока совсем не убрались с глаз долой, и осталась только прекрасная зимняя ночь, с ледяными точками звезд и яркой полной луной.

На Леннаучфильме тем временем начиналась ночная жизнь. Разумеется, не везде, а только в заброшенном корпусе, на который начальство киностудии давно махнуло рукой и за недостатком средств на ремонт сдавало за гроши по частям. Как-то так получилось, что большинство арендаторов оказались рок-музыкантами. Когда-то кто-то узнал, что можно снять дешево точку для репетиций, сказал другому, другой – третьему, – и поехало. Кто бы мог поверить, что почти в центре города стоит огромное, некогда роскошное здание, похожее на покинутый храм какого-нибудь давно умершего бога: стекла повывбиты, ни света, ни отопления, стены, полы, потолки – все не чинилось уже лет двадцать и понемногу догнивает, а безалаберные рокеры этому активно способствуют. Впрочем, кто похозяйственней, у того в студии довольно уютно и электрические сети в порядке. Иные даже внесли элементы дизайна – например, парни из группы «Утро понедельника» повесили на лампочку какую-то серебристую пакость со щупальцами, найденную в закромах киностудии, а стены украсили собственными рекламными постерами и плакатами с рожами любимых музыкантов – вроде Джимми Хендрикса. Хотели поначалу лепить на стены пакеты от съеденных чипсов, чтобы было кичево, но передумали и завели огромную коробку – не мусорный бак, как подумал бы несведущий человек, а ящик для хранения ценной коллекции всяких памятных штук, например, пивных банок.

В студии было еще много всего. Например, краденая трамвайная печка – источник пожарной опасности. Полкомнаты загромождали колонки в рост человека, как работающие, так и нет, – бас-гитарист Нафаня, как натуральный хомяк, тащил в гнездо все, что согдится в хозяйстве. Он так рассуждал: на халяву и уксус сладкий, а если не работает, можно и починить. Некоторые колонки играли, на других сидели, на третьи ставили чайник – тоже польза. Нафаня, долговязый юноша неопределенных студенческих лет, как раз сидел, пил чай и курил нечто отвратительное, специально, чтобы побесить вокалиста. Рэндом, вокалист, в наушниках и с гитарой сидел на другом комплекте колонок, повернувшись к Нафане спиной. Его глаза были закрыты, длинные черные волосы падали на худое, чисто британское лицо, пальцы бегали по струнам, извлекая мелодичные и не очень созвучия. Губы Рэндома беззвучно шевелились. Не то гитару настраивал, не то новое сочинял. Рэндом был застенчивый и привередливый, пока не выйдет на сцену. Там он впадал в транс, но не всегда, а только когда в ударе. Когда Рэндом бывал в ударе, его товарищи по группе любовались им и мечтали, как однажды раскрутятся и станут богатыми и знаменитыми. А когда нет, то просто играли в свое удовольствие.

На полу напротив Рэндома кучей лежали куртки участников группы. На куртках с ногами сидела Вероничка, смотрела на Рэндома влюбленными шоколадными глазами и ждала, когда он запоеет. Вероничка – сама она просила называть ее Ники – не была в группе. Она училась в восьмом классе, дружила с Нафаней, сохла по Рэндому и мечтала научиться играть на бас-гитаре. Нафаня представлял ее соседям по Леннаучфильму так: «А это моя малолетняя фанатка». Соседи понимающе ухмылялись, и их уважение к Нафане возрастало. Вероничка была маленькая, большеглазая, коротко и криво стриженная, поскольку подстриглась сама в знак протеста против тирании бабушки. Рэндом к влюбленной школьнице под боком отно-

силса несколько настороженно. Но не гонял. Как и Михалыч – ударник, почтенный отец семейства лет двадцати восьми, который смотрел на Ники примерно как на домашнюю мышь. Пусть будет, раз уж завелась...

Рэндом открыл прозрачные голубые глаза и взял аккорд. Вероничка встрепенулась.

– Спой ту, про автокатастрофу, – умильно попросила она. – Как тот парень лежит на дороге, умирает, а над ним солнце заходит...

– А, «Последний закат». – Рэндом закатил глаза, подумал и сказал: – Не хочу. Не то настроение.

И снова взял аккорд, мажорный. Широко распахнул глаза, вздохнул...

– Ну, решили наконец, как младенца назовете? – громко спросил Нафания, обращаясь к Михалычу. Рэндом закрыл рот, поднял голову и укоризненно покосился на бас-гитариста.

Упитанный, бритый наголо Михалыч оторвался от барабанной установки, которую как раз монтировал:

– Решили.

– И как?

– Елпифидором.

Нафания заржал.

– Че, правда?!

– Неправда, – невозмутимо пробасил Михалыч. – Ну извини, достали уже. По двадцать раз на дню спрашивают. Нет, еще не решили.

– У однокашника сын родился, – начал Нафания, закуривая новую сигарету. – Спрашиваю его: как назвали-то младенца? Он говорит – Семен Семеныч. Я обалдел. Сам-то он – Колян. Это как, говорю – Семеныч? А он: ты не понял – это имя такое, из двух слов.

Нафания захохотал, выпустил облако дыма. Михалыч сдержанно улыбнулся. На куртках с опозданием захихикала Вероничка. Рэндом брезгливо посмотрел на Нафанию с сигаретой в зубах и капризно сказал:

– Нафания, хорош смолить. Я не могу петть в дыму.

– Я сейчас открою форточку, – подскочила Ники.

– Лучше пусть катится в коридор. Нафания, что за говно ты куришь?

– Безникотиновые сигареты «Муравушка», – гордо сказал Нафания. – Для бросающих курить. Там вместо табака анаша.

– Да неужто? – проявил интерес Михалыч.

– Нет, просто какое-то сено. Но эффект такой же. Выкуришь пачку – и башню сносит напрочь.

Ники влезла на подоконник и с усилием распахнула форточку. В студию сразу полетели снежинки и повеяло морозом. Ники высунула голову в форточку.

– Смотрите! – воскликнула она. – Полнолуние!

– Ники, закрой, – с кислой миной проговорил Рэндом. – Сейчас мы тут вымерзнем. И так сеть на пределе...

– Да, – кивнул Михалыч. – Нафания, вали в коридор со своим сеном. Или открой дверь, пусть сквозняком кумар отсюда вытянет.

– Да ты че? – возмутился Нафания. – Учуют, подумают, что «травка», со всего этажа сбегутся. И так уже соседи приходили, типа, за спичками, раза четыре.

– Ничего им не давай! Гони всех!

– А я песню сочинила, – заявила Ники, осторожно вытаскивая из форточки голову. – Прямо сейчас.

Рэндом и Михалыч скорчили одинаково пренебрежительные рожи. Нафания удержался.

– Круто! – вежливо сказал он. – Валяй!

– Только в ней еще мелодии нет, – застенчиво сказала Ники. – И слов тоже. Я могу пере-
сказать общий смысл. Про солнечное затмение. Можно?

– Можно, – уныло позволил Рэндом, отложил гитару и потянулся за чайником.

Глядя в темное окно, Ники нараспев, с подвываниями, завела речитативом:

– Однажды я взглянула на солнце и вижу – оно стало черным. Солнце открывает свой
зрачок и видит меня. Мы смотрим друг на друга. Оно хочет со мной говорить... Я отвечаю
ему: я тебя слушаю. И солнце начинает петь. Оно поет на древнем неизвестном языке. На этом
языке люди никогда не говорили, это язык богов. Голос солнца смертельно опасен... Из его
зрачка исходит невидимый свет. Оно поет и убивает, но не слушать его невозможно...

Ники говорила все тише и тише, пока не замолчала совсем. Потом сморгнула и, неловко
потоптавшись на подоконнике, слезла на пол. Несколько секунд в студии все молчали.

– А дальше? – спросил Нафания

– Дальше я испугалась, – сказала Ники. – И в тот же миг солнце замолчало, закрыло свой
зрачок и перестало быть черным. Стало обычным.

Все дружно посмотрели в окно.

– А ничего, – сказал Рэндом. – Что-то в этом есть... какая-то шиза. Можно попробовать
сделать песню.

– Это не шиза, – возразила Ники. – Это правда. Так все и было. Я шла из школы, случайно
глянула через левое плечо, а солнце – черное...

– И разговаривает, – ухмыляясь, подхватил Нафания.

– Не разговаривает, а поет!

– Да это не ее тема, – заявил Михалыч. – Это она переврала «Сплин», у них что-то такое
есть, сейчас вспомню...

– Я сама сочинила! Дураки! – свирепо крикнула Ники. – Ничего вы не понимаете!

Музыканты разразились хохотом. Ники в гневе, грозная, как вставший на дыбы бурун-
дук, очень их веселила.

– Ники, сколько тебе лет? – отсмеявшись, спросил Нафания.

– Мне? Скоро четырнадцать, – ответила Ники, мрачно сверкнув на него глазами.

Нафания присвистнул.

– А я думал, максимум двенадцать. Ты не детдомовка, случайно?

– Сам ты детдомовец, – обиделась Ники. – У меня мама есть. И бабушка.

– Я как-то, еще в школе, в больнице с детдомовскими лежал, – пояснил Нафания. – Они все
выглядели младше своего реального возраста. Задержка развития. А глаза у них взрослые...
как у тебя.

– Сам ты с задержкой развития! – рывкнула Ники, не разобравшись, дразнят ее или пыта-
ются оскорбить. – Этот... олигофрен!

– Ну, теперь пошла беситься, – закуривая, устало проговорил Михалыч. – Совсем без-
мозглая девка, да еще с вот такенными тараканами в голове!

– А нечего меня унижать!

– Вероничка, – холодно произнес Рэндом. – Твои тараканы – это твои проблемы, а у
нас вообще-то репетиция. Нафания, если она опять будет тут буйствовать, больше ее сюда не
приводи.

Ники побагровела, потом побледнела – и выскочила из студии, с грохотом хлопнув две-
рью.

– Вот прикинь, Михалыч, – донесся ей вслед жизнерадостный голос Нафани, – вырастет
у тебя Елпи-фидор) станет такого же возраста, как Ники, и будет на тебя зыркать исподлбья
и орать: «Папа, ничего ты не понимаешь!»

– И в комнату к себе убегать, хлопнув дверью, – добавил Рэндом.

Музыканты снова захохотали.

Ники фыркнула, прикрыла за собой дверь и сразу очутилась в непроглядной темноте. Все бесхозные лампочки в коридорах Леннаучфильма давно расколотили или повывинтили. Под ногами хрустело что-то похожее на осколки стекла. Ники чиркнула зажигалкой, и на пару секунд в поле зрения возникли грязные стены с отпечатками подошв. Промелькнули и снова пропали во тьме. «Надо было взять фонарик», – запоздало сообразила Ники. Старожилы тут без фонаря вообще не ходили, а то и ноги поломать было запросто можно. Но не возвращаться же в студию – ведь задразнят насмерть! Ники все никак не могла привыкнуть к манере ребят непрерывно подкалывать ее. В первое время дело едва не доходило до драки. Потом, когда Ники поняла, что ее не хотят обидеть, стало чуть полегче. Михалыч, который дразнил ее реже всех, – скорее всего, ему было просто лень этим заниматься, – посоветовал ей: «Просто не обращай внимания на их треп. Это ж так, словесный понос. Болтают, а ты пропускай мимо ушей. Лучше слушай, когда поют». Ники пыталась следовать разумному совету, но получалось не всегда.

Успокоившись, Ники решила минут десять побродить по окрестностям на ощупь. Авось не провалится в какой-нибудь люк. А к тому времени и музыканты сообразят, что Ники гордо ушла без света, и отправятся ей на выручку. «А я завою, как вампир, и кинусь на них из темноты!» – злорадно подумала Ники. Она прикоснулась к стене и пошла вдоль нее, проверяя прочность пола при каждом шаге – здесь это было не лишним.

Кромешная темнота была полна запахов и звуков. Пахло разнообразно и в основном неприятно: дешевым табаком, вонючей «муравушкой» Нафани, горелой изоляцией, пылью, какими-то древними химреактивами, а также мочой и другими продуктами жизнедеятельности рокеров. А еще тут играла музыка. Причем за каждой дверью – своя. В основном довольно убогая, зато громкая. И если у порядочных и почтенных людей, таких, как группа «Утро понедельника», в студии была звукоизоляция, то другие даже двери закрывать не трудились. В итоге Леннаучфильм издавал такое количество разрозненных музыкальных звуков, как не всякая старая шарманка. Еще это напоминало оркестр, который настраивается перед выступлением на глазах у публики. Ники и раньше нравилось бродить по темному этажу и подслушивать под дверьми, кто как играет. Она остановилась и прислушалась, выбирая направление. В правом, еще не освоенном конце коридора наябривали очень даже ничего. Туда она и направилась.

Повернув за угол, Ники увидела впереди слабый луч света, обрадовалась и пошла быстрее. Свет горел на нижнем этаже, сносно освещая почти не тронутый временем лестничный пролет. Оттуда, с нижнего этажа, и неслась зажигательная музыка.

С источником света все тут же выяснилось – им был туалет. Ники замешкалась перед дверью, думая – глянуть, что там, или лучше не надо? От посещения местных туалетов она пока воздерживалась – не хотелось ненароком в чем-нибудь утонуть. Но, оказалось, зря боялась. Туалет, похоже, играл тут роль центра культуры. В нем было относительно чисто, горела единственная на этаж лампочка, и даже слив работал. Все стены были сплошь оклеены самопальными афишками местных обитателей. Ники нашла афишу своей группы с завлекательной рекламной надписью и кривой, отксеренной прямо с натуры физиономией Нафани, похихикала, представляя, как Нафаня сам себя ксерил, засунув голову в копировальный аппарат, решила, что это вполне в его духе, и пошла дальше. Музыка грохотала где-то уже совсем близко.

Коридор первого этажа был явно комфортабельнее, чем их коридор, хотя бы потому, что освещали его аж две лампочки: одна – в туалете, другая – в той самой студии, где бушевал звуковой шторм и время от времени раздавался натурально звериный вой. Дверь, разумеется, была открыта нараспашку. Ники подкралась поближе и заглянула внутрь.

Там оказался бывший кинозал (должно быть, его съемщики были относительно богатыми людьми), такой же, впрочем, грязный и заброшенный, как и все прочие помещения. Под оди-

нокой лампочкой в большом помещении, чьи стены терялись во тьме, самовыражались три молодых человека, по виду клерки, в чистых костюмчиках-тройках и белых рубашках. Один яростно дубасил в барабаны, другой терзал гитару, а третий, экстатически закатив глаза, дико завывал в микрофон на превосходном английском. Играли лихо, и драйв был бешеный.

Ники стояла и слушала минут десять, пока у нее не заболели уши. Но и тогда прикрыла дверь с неохотой. Сумасшедшие клерки ее впечатлили. Ники представила себе, как они, бедные, сидят целый день в офисе, притворяются нормальными людьми, а сами думают только о том, как приедут в студию, сорвут галстуки и завоюют в три глотки свои свирепые и безумные первобытные песни.

Несколько минут Ники топталась у дверей зала, раздумывая, куда бы ей податься дальше. О том, что надо вернуться и устроить засаду на Нафаню, она уже забыла.

Варианта, собственно говоря, было два – вперед или назад. Ники бесстрашно выбрала первый, решив, что в другом конце коридора тоже должна быть лестница.

«Пройду по первому этажу и поднимусь на второй с другой стороны», – решила она и пошла по стенке, прислушиваясь и приносясь. Без приключений добравшись до конца коридора, она обнаружила там ожидаемую лестницу. Уже собираясь подниматься на свой этаж, Ники услышала далекое пение.

Ники замерла, положив ладонь на стенку. В этом углу коридора света не было совсем. Пение, что странно, доносилось как будто снизу. Странно – потому что под первым этажом не было ничего, кроме подвала, а Ники даже представить себе не могла психопата, который захотел бы снять студию в подвале, если даже по верхним этажам ходить было опасно для здоровья... Второй странностью было то, что песня пелась без сопровождения музыки, и кажется, даже без микрофона. Это было нетипично для места, где каждый пытался переорать соседей. И третьей странностью было то, что пели хорошо. На Леннаучфильме, где тусовались в основном начинающие рокеры и музыканты-любители, это было еще большей редкостью, чем пение без микрофона. Одиноким мужской голос, сильный и приятный, пел неизвестную песню где-то в темноте необследованных подвалов древней киностудии. Ники была заинтригована. Она нащупала перила лестницы и щелкнула зажигалкой. Точно – лестница вела в подвал, и никакие решетки путь не перекрывали. Ники пошла вниз, на голос.

Сразу, как только лестница закончилась, Ники наткнулась на какие-то ящики. В подвале был настоящий хаос: перевернутые шкафы, какое-то замшелое кинооборудование и везде, куда ни ступи, – круглые железные коробки из-под киноплёнок. Ники еще несколько раз посветила зажигалкой. Эти коробки были повсюду: стояли аккуратными столбиками, валялись на полу, распустив черные кольца пленки. Должно быть, тут эти самые пленки проявляли. Или это был архив никому не нужных научных фильмов. Смотреть на него было грустно. «Тут черт ногу сломит, а другую вывернет», – вспомнила Ники любимое бабушкино выражение касательно ее комнаты. Что-то ее не тянуло лазать среди этих шкафов и кино-агрегатов. Тем более что тут особенно сильно пахло химией. Вдруг тут какая-нибудь кислота проела свою бутылку, разлилась по полу и ждет, пока кто-нибудь вступит с ней в реакцию?

А тот, кто пел, по-прежнему был далеко. Может, он и в подвале, но скорее всего, на другом конце здания. И пришел он уж точно не этой дорогой. Ники убрала в карман зажигалку и прислушалась.

Нет, голос определенно стал слышен лучше. Глубокий сильный мужской голос. У Ники возникло ощущение, что обладатель этого голоса мог бы петь гораздо громче, но нарочно его приглушает. Потом она поняла – не в этом дело. Ее зацепила интонация, с которой пелась эта песня. Величественная, как церковный хорал, и такая же отстраненная... но это было не главное... Потом Ники вспомнила первое выступление «Утра понедельника» в их школе – и поняла.

Что особенного было в той песне Рэндома «Последний закат», что девчонки едва ли не рыдали, когда он пел, а потом все, в том числе и Ники, дружно от него зафанатели? Ники потом на репетициях слышала ее сто раз. В сущности, самая обычная песня. Но Рэндом потом признался: «Мне показалось, тогда ее пел не я, а за меня – кто-то другой».

Голос того, кто пел в подвале, действовал так же – он подчинял и околдовывал. В нем была сила, от которой веяло чем-то жутким и в то же время притягательным. Сама же мелодия песни была простая и однообразная. Ники все никак не могла понять, на каком языке он поет. Рефреном повторялись одни те же слова. Как заевшая пластинка – фраза... перерыв... фраза... перерыв... Ники слушала как завороченная и шевелила губами, стараясь запомнить слова и мелодию, чтобы потом подобрать ее на гитаре. В тот момент ей казалось, что ничего прекраснее, чем этот голос и эта песня, она в своей жизни не слышала. Певец, повторив свою песню раз шесть, замолчал. «Как, это всё?!» – расстроилась Ники. Она так сильно огорчилась, что едва не отправилась в подвал на поиски певца. Но нескольких минут тишины хватило, чтобы морок прошёл. Ники вдруг стало страшно. «А что, если меня приманивают этой песней?» – подумала она и задрожала.

Воображение вмиг наполнилось образами маньяков, заманивающих пением в подвалы несовершеннолетних рокеров... или привидений тех же рокеров, которые заблудились в подземельях Леннаучфильма и не нашли дорогу назад. А теперь и Ники, потеряв выход, присоединит свой голос к их заунывному хору... Несмотря на попытки обратить испуг в насмешку, страх не сдавался, превращаясь в натуральную панику. Спотыкаясь и роняя коробки с фильмами, Ники на ощупь кинулась в сторону лестницы. Что-то подсказывало ей, что чем быстрее она отсюда уберется, тем для нее будет лучше.

Если бы Ники не сбежала так быстро, она услышала бы, что через пару минут пение возобновилось.

Но теперь голос, поющий ту же самую песню, был другой. Это был голос мальчика.

Глава 3

Непотерянная память

– ...И сотрясение головного мозга. Внутричерепных гематом не обнаружено. Ушиб мозга – пока под вопросом...

– Рентген сделали?

– Конечно, в первую очередь. Не беспокойтесь, кости черепа целы.

– А спина?

Мама говорила с врачом спокойно и деловито. Но по ее голосу было ясно, что она недавно плакала.

– Да вы не тревожьтесь, ходить будет. Но в ближайшие месяцы – никаких нагрузок на позвоночник...

Голос у доктора был молодой, жизнерадостный, внушающий оптимизм. Всем ребятам в палате он говорил одно и то же: «Пустяки, не проблема, до свадьбы заживет», – даже Лешину соседу слева, парню лет шестнадцати, который навернулся с дельтаплана и разбился почти в лепешку. Как выглядел веселый доктор, Лешка понятия не имел, поскольку видел его в виде расплывчатого белесого силуэта. Но это уже прогресс – пару дней назад он не видел его вообще. Зрение понемногу восстанавливалось, и это радовало. Все шло неплохо, как и обещал Виктор. Если бы не эта проклятая боль...

– Какие еще обследования нужно будет провести? – спросил папа. – Если необходимо назначить платные, не беспокойтесь, у нас есть такая возможность...

– Ну... доплер мы сделаем сами... не помешала бы магнитно-резонансная томография, но это недешевое удовольствие...

– Я же сказал – деньги не вопрос... Лешка приоткрыл глаза.

– Не надо никаких обследований.

Мама нагнулась к нему, погладила по голове.

– Проснулся, Алешенька? Как спина?

– Всё зверски болит, – сварливо сказал Лешка. – Кроме головы. Голова сегодня ночью перестала. Я же говорю – не надо обследований. Чего бабки-то впустую переводить? Через месяц все пройдет само.

– Само ничего не проходит, – сурово сказал папа. – Ты что, боишься? Мужчина должен терпеть боль...

– А я что делаю? – буркнул Лешка и замолчал. Говорить тоже было больно – в груди. Но через силу добавил: – Сянь сказал – через месяц все пройдет, значит, так и будет.

– Какой еще Сянь? – удивленно спросил папа.

– Один мужик. Он меня вытащил, – отозвался Лешка. – Вернее, выкупил. С собой.

Родители посмотрели на него с тревогой. Врач махнул рукой – дескать, не обращайтесь внимания. И сделал знак выйти из палаты.

– Поспи, – сказала мама, ее голос опять задрожал.

– Мы еще вечером зайдем, – сказал папа. – Держись, Лешка.

Скрипнула дверь палаты. Родители ушли.

– Что ж вы хотите? – доносился до Лешки удаляющийся голос веселого врача. – Парня подобрали на улице без сознания, и никто не знает, сколько он там провалялся. Вы не беспокойтесь, все функции мозга понемногу восстановятся. Какие его годы? У мальчишек в его возрасте обалденная регенерация. Тут знаете каких тяжелых привозят, а они через пару недель уходят своими ногами...

«Через месяц все пройдет, – повторил Лешка про себя слова Виктора. Он почему-то был уверен, что целитель не врал. – И искать меня не будут. Он же меня выкупил. Главное – больше никогда в жизни не приходить на тот перекресток...»

Шаги в коридоре затихли. Где-то далеко хлопнула дверь. Лешка вытянулся на кровати и закрыл глаза. Неподалеку бубнили мальчишеские голоса. Судя по всему, соседи по палате играли в «переводного дурака».

– Эй, Леха, хочешь яблочко? – раздалось прямо над Лешиной головой. – Мать приволокла килограмм пять, а медсестра сказала – хранить нельзя. Надо до вечера съесть, потом выбросят.

– Не хочу, – зевнул Лешка. – Впрочем, ладно, давай. Чё-то меня все в сон тянет. Скоро в зимнюю спячку впаду, как медведь, честное слово.

– Так и спи. Когда спишь – поправляешься быстрее. Вон, наш дельтапланерист целыми днями дрыхнет, просыпается только чтобы пожрать, – ответил другой парень. – Кирюха, а ты не спи – вот тебе еще два валета...

В ладонь ткнулось холодное мокрое яблоко. Лешка приподнялся, опираясь на локоть, и запустил в яблоко зубы, оглядываясь по сторонам. На соседней койке шуршали картами две размытые сидящие фигуры. Третья фигура неподвижно лежала на койке слева. Под потолком с гудением горела лампа дневного света. Через незаклеенную форточку задувал холодный ветер.

Обстановка в палате была спартанская, чтоб не сказать, нищенская. Мама еще дня три назад предлагала перевести сына в отдельную платную палату. Но папа неожиданно уперся. По его мнению, предоставляемые удобства не стоили тех денег, которые намеревался с него содрать зав нейрохирургическим отделением. Поэтому Лешка остался в общей палате, в компании еще трех подростков, против чего он, кстати, и не возражал. В компании болеть было как-то легче.

Из разговоров Лешка уже знал, что у соседей, за исключением дельтапланериста, травмы были легкие. Одному банально засветили в драке по лбу железякой, другой влип и вовсе по дурачки: вошел в Макдональдс, вдохнул тамошний угар – и упал в обморок, да прямо головой об угол. Этого Лешка не понимал, поскольку к жратве из Макдональдса относился с полным одобрением. Родители приучили в детстве, когда фаст-фуд на фоне остального убожества казался оазисом крутизны и роскоши.

- Кирюха, меня «переводной дурак» уже достал. Ты в «тыщу» умеешь?
- Для «тыщи» нужно три человека.
- Ну давай Леху позовем.
- Так он же слепой.
- А мы ему будем все ходы рассказывать...

Лешка лежал, грыз яблоко и по сотому разу обдумывал то, что с ним случилось. Ясно одно – произошло нечто такое, что ни разу ни с кем из его знакомых, и вообще известных ему людей, не случалось. Так что, готовых ответов не было. Приходилось как-то делать выводы самому. Получалось не очень.

Итак, он попал под машину. Чертовски не повезло, но ничего сверхъестественного в этом нет. Просто несчастный случай. Но потом появляется этот Виктор и говорит, что никакой случайности не было. Что Лешку принесли в жертву.

Лешка попробовал ощутить себя жертвой. Вот он лежит, беспомощный как ягненок, и с ним можно сделать все, что угодно. Внезапно он почувствовал себя униженным. Значит, тот бандит считает, что он, Лешка – ягненок? «Он о тебе уже забыл, – вспомнились ему слова Виктора. – Ты для него – пыль под ногами».

«Нет – не было никакой жертвы! – сердито подумал Лешка. – Обычный несчастный случай!»

Но в таком случае, при чем тут бандит на джипе? Что, и его не было? А все эти разговоры о Жертвеннике, «почему он пришел в своем теле», «возьмите меня вместо него» и все такое?

А как же поход к мертвой бабушке? Замысловатый глюк на почве сотрясения?

Неожиданно Лешке пришло на ум, что Виктору хотелось бы, чтобы он так и рассуждал, – нашел подходящее рациональное объяснение и на этом успокоился.

«Нет уж, – подумал Лешка. – Будем разбираться. Оставим пока тему „глюк это или не глюк“. Допустим, все это случилось на самом деле. Тогда сразу возникают вопросы:

– кто такой Виктор?

– кто такой бандит?

– кому его принесли в жертву и зачем?

– что делать, чтобы этого больше не повторилось?»

Ну, на последний вопрос ответ ему уже дали – не ходить на перекресток. Насчет последнего – Виктор что-то намекал насчет предков, которые его продали. Вопрос «кому» повисал в воздухе. Лешка остро пожалел, что впопыхах не успел спросить Виктора, кто такой бандит, – они явно были знакомы. В общем, ключи ко всем загадкам находились у Виктора, который сам был непонятно кто и непонятно где. И ничего о нем не известно, кроме имени и способности к оживлению мертвых.

Итак, задача номер один – выяснить, кто такой Виктор. «Тот бандит звал его Сянь», – вспомнил Лешка. Может, Виктор тоже из их бандитской тусовки? Они там все друг друга по никам зовут. Или это не прозвище, а просто фамилия?.. Виктор Сянь. А что, звучит неплохо. Нормальное евро-китайское сочетание. Вроде Брюс Ли. Надо будет поискать его в Интернете, кстати, – вдруг он известная личность?

Лешка попытался припомнить в деталях внешность спасителя. Вроде на китайца он не особо походил. Лицо, в общем, правильное. Кожа скорее смуглая, чем желтоватая. Борода короткая, но густая. Темно-карие глаза, высокие скулы, прямой нос. Скорее уж на казаха похож. Хотя, кто его знает, – может и китаец, и монгол или полукровка откуда-нибудь из Сибири. Какой-нибудь уйгур или хакас. Эти народности вроде входят в зону влияния китайской культуры, исповедуют буддизм, и их представитель вполне может носить китайскую фамилию.

С оживлением и запуском сердца, на Лешин взгляд, все было более или менее понятно. Сянь был либо врачом, либо экстрасенсом – впрочем, одно другому не мешало. В общем, целителем. Это слово ему как-то очень подходило. Да и фамилия у него китайская, а китайцы в таких делах рубят.

Лешка сгрыз яблоко до самых косточек, огрызок кинул на соседскую тумбочку; судя по звуку, промахнулся. Соседи, так и не найдя себе третьего для «тыщи», увлеченно играли в «верю-не верю».

– Пять тузов!

– А вот тебе еще один сверху!

– Не верю!

– А вот и получи!

– Ах ты зараза!

– Пацаны, можно не орать? – ворчливо попросил Лешка. – Мне из-за вас не уснуть.

Пацаны без возражений сбавили тон. В больнице были свои преимущества. Лешка закинул руки за голову и принялся размышлять дальше. По поводу Виктора больше ничего в голову не приходило. Тогда он переключился на бандита.

Стоп, сразу сказал себе Лешка. Справедливости ради. Почему я с ходу обозвал мужика на джипе бандитом? Только потому, что мне его рожа не понравилась? Откуда я вообще знаю, кто он? Почему не преуспевающий бизнесмен? Или помощник депутата?

Нет, кем бы ни был тот тип, Лешка точно знал, что догадка насчет бандита гораздо ближе к истине. Нормальные бизнесмены – такие, как папа, – выглядели совсем не так. Наоборот, папа всячески старался подчеркнуть свою респектабельность, внушить людям доверие. Имидж порядочного человека очень много для него значил. Нет, конечно, без демонстрации собственной крутизны не обходилось, но делалось это не так в лоб, а намеками, деталями – часы там какие-нибудь швейцарские, ноутбук последней модели... Если бы в папином облике хоть что-то наводило на мысль о связях с криминалом, это был бы серьезный удар по его репутации. Папа ни за что не купил бы себе такой пижонский джип, на котором только на «стрелки» ездить...

Бот в чем разница! – сообразил Лешка. Весь имидж того типа строился на откровенном устрашении. Явно и косвенно сигнализировал: «Я опасен». Но если он не бандит, то зачем ему это надо? Может, охрана? Лешке вспомнился персонаж одного фильма с классной профессией – «специалист по решению проблем»...

Тут на Лешу снизошло озарение. Тип на джипе – убийца! По своему социальному положению он может быть кем угодно, но, определенно, его специальность – убивать.

Ага. Забирать жизни. Вот он и приехал забрать Лешину жизнь... «Может, это была сама Смерть?» – подумал Лешка.

По спине у него забегали мурашки. «Может, так у всех бывает? – предположил Лешка. – Когда человек начинает умирать, к нему приезжает Смерть в облике бандита на черном джипе...»

Лешка повернул голову и посмотрел на дельтапланериста. Этот все время лежал, молчал и слушал плеер. И с кровати не вставал даже в туалет, потому что у него был перелом позвоночника.

«К этому уж скорее не на черном джипе, а на черном истребителе», – подумал он.

– Эй! – окликнул он его. – Летчик!

Тот отреагировал не сразу. Медленно вытащил наушники, медленно повернул голову. Глаза дельтапланериста были окружены огромными фиолетовыми синяками.

– Чего? – тусклым голосом спросил он.

– Расскажи, как разбился.

– Не помню.

– Как это? Не помнишь, как упал?

– И что потом было, тоже не помню, – монотонно заговорил парень. – Ребята снизу видели, рассказали – падал, как мешок с картошкой. А я только помню, как взлетел, а потом открываю глаза, вижу – трава, грязь...

– У него потеря памяти, – вмешался мальчик, получивший по лбу железякой. – У меня тоже, но только на несколько минут.

– И у меня, – добавил парень с аллергией на фаст-фуд. – При сотрясении так и должно быть.

«Ага! – обрадовался Лешка. – А я всё помню! Это неспроста!»

Впрочем, это тоже ничего не доказывало...

Глава 4

Ники приходит домой и подбирает песню

После репетиций Ники всегда возвращалась домой в двенадцатом часу, хотя никто не заставлял ее сидеть на Леннаучфильме так долго. Но Ники не любила торчать по вечерам дома. Ей там было скучно. Мама приходила с работы поздно и, едва поужинав, раскладывала на кухонном столе свои бумаги и снова погружалась в цифры какого-нибудь квартального отчета (она работала помощником бухгалтера – самая унылая и запарная работа). Ники не видела смысла в том, чтобы так вкалывать, поскольку денег все равно постоянно не хватало. Уж лучше бы мама пришла к начальству, которое, по мнению Ники, на ней откровенно наживалось, и стукнула бы там кулаком по столу. Но мама, к сожалению, была слишком мягкой, робкой и уступчивой, как раз из тех людей, на ком удобно ездить и приятно пахать. Так что финансовое благополучие в ближайшие годы их семье не грозило.

Поедая купленное у метро мороженое, Ники брела по пустынному Ланскому проспекту в сторону дома. У парадной родной хрущевки ее ожидал сюрприз. Под фонарем, лучась и испуская блики, красовался зализанный черный джип с серебряным логотипом «INFINITY» на решетке радиатора. Среди ржавых «Жигулей» и древних иномарок он выглядел роскошно до неприличия. Ники окинула джип неприязненным взглядом и прошипела: – Опять притащился!

При виде безупречно чистого бока «инфинити» ей вдруг ужасно захотелось взять какой-нибудь гвоздик и выцарапать на нем слово из трех букв. Или, на худой конец, зафигачить камнем в стекло. Но Ники, конечно же, не стала этого делать. Потому что была уверена – Толик все равно узнает, кто это сделал. Толик почти читал мысли и с легкостью распознавал любое вранье.

Толик, вернее Тиль Крюгер, был велик и крут. Он занимался каким-то бизнесом – Ники было не очень-то интересно, каким, – и являлся маминым начальством. В последний год Толик завел себе отвратительную, с точки зрения Ники, привычку – периодически наезжать к ним домой. Обычно ненадолго – забирал или привозил какие-нибудь бумаги. Мама при его появлении начинала метаться, лебезить и угощать его чаем. Толик выхлебывал чай, решал вопросы и укатывал восвояси. Ники относилась к Толику с подозрением и неприязнью. Особенно последнее время, с тех пор как ей начало казаться, что он к ним зачастил.

Ники поднялась по вонючей лестнице, открыла дверь своим ключом, проскользнула в крошечную прихожую в виде буквы «Г» – и едва не наступила на сияющие черные ботинки сорок пятого размера. Три четверти вешалки занимало кашемировое пальто, источающее слабый запах дорогого одеколона. Ники пришлось пристроить куртку на тумбе под зеркалом. Толик вообще занимал как-то много места, особенно в их малогабаритной квартире. С кухни доносились голоса. Ники скинула ботинки, прошла в носках до кухни и заглянула внутрь.

– Приветик, – небрежно поздоровалась она. – А вот и я!

– Где тебя черти носят? – вместо приветствия напустилась на нее мама. – Первый час!

– Не первый, а одиннадцать с небольшим, – возразила Ники, быстро изучая диспозицию на кухне. Толик восседал на «своем» стуле за кухонным столом, уткнувшись мясистым носом в какую-то таблицу. Перед ним стояла нетронутая чашка чаю и ваза с печеньем. Ники машинально отметила «гостевую» бумажную скатерть, папку с бумагами перед Толиком и тяжелый взгляд, которым он ее наградил. На приветствие Ники он ответил кивком, напоминающим движение, которым отгоняют муху. По его угрюмой роже было ясно, как он рад ее видеть.

«Ага, – ревниво подумала Ники. – Думал, я только перед закрытием метро появлюсь? Бот и обломись!»

На плите на маленьком огне стояла кастрюля, из которой аппетитно пахло пельменями. Ники сразу вспомнила, что с обеда ничего не ела.

– Иди пока в комнату, – перехватила ее взгляд мама. – Подожди минут пятнадцать. Мы с Тилем Ивановичем закончим, тогда поужинаешь.

– Я сейчас есть хочу! – попыталась качнуть права Ники.

– А не надо шляться по ночам неизвестно где!

С этими словами мама выпроводила Ники из кухни и прикрыла за ней дверь.

– Я не шляюсь, а музыкой занимаюсь! – крикнула Ники через дверь, обиженно отправившись в гостиную, плюхнулась в кресло и включила МТВ, нарочно сделав звук погромче.

Интересно, ей только кажется, что Толик положил глаз на маму, или нет? Ники никак не могла определить, имеют ли ее подозрения под собой какую-то почву. С одной стороны, Толик вел себя с мамой абсолютно по-хозяйски – ну да, как и положено боссу. Пользуясь ее безответностью, нагружал сверхурочными заданиями. С другой стороны, может, это только предлог, чтобы без помех к ним таскаться? Да и мамино поведение настораживало. Не то чтобы она была в него откровенно влюблена, но ее манера поведения... Какая-то уж слишком преданная, слишком заискивающая. Впрочем, как уже было сказано, мама была человеком мягким. Ники из-за этого даже отчасти перестала ее уважать.

На экране закончил трепаться ви-джей, и появился новый клип, которого Ники раньше не видела: какая-то рокерша, стриженная девица с гитарой, страдает на фоне сюрреалистических новостроек. Ники вспомнила свою песню про черное солнце и опять обозлилась на Нафаню и Рэндома. «У меня бы тоже получилось, – думала она, критически разглядывая девицу. – Я красивее. И голос не хуже. И песню хорошую сочинила – сама! А эти бараны считают себя гениальными, а над настоящим талантом только насмеются. Ну ничего...»

Под этим «ничего» подразумевалось, что Ники совсем скоро станет такой крутой рок-звездой, что парни из «Утра понедельника» удавятся от зависти. Как это произойдет, Ники пока не знала. Ей бы еще научиться играть на бас-гитаре... Нафаня только обещает поучить, а как до дела, так сразу в кусты...

На журнальном столике неожиданно зазвенел телефон.

– Алё! – сняла трубку Ники. И тут же сморщилась, поскучнела. Звонила бабушка. Желала поговорить с мамой. Узнав, что мама сидит на кухне с «толстомордым буржуем», высказала по его поводу пару ласковых, ошастливила Ники вестью, что на днях приедет в гости, и повесила трубку.

Ники тяжело вздохнула. Визиты бабушки последнее время выливались в большие семейные разборки, крайней в которых неизменно оказывалась Ники. И на Леннаучфильм не бежать – бабка смертельно обидится и в следующий раз будет еще въедливей.

Настроение у Ники упало ниже нуля. Она выключила телик, пригорюнилась. На кухне шуршали бумагами и бормотали. Ники задумчиво посмотрела в окно поверх экрана, встала с кресла и ушла в свою комнату.

Комната была длинная и узкая, темная, захлавленная. Обои Ники разрисовала всякими лозунгами и оклеила афишами любимых рок-групп. На письменном столе громоздилась пыльная пирамида из журналов вперемешку с альбомами, учебниками и непонятно чем – у Ники уже несколько недель не доходили руки ее разобрать. На тумбе у подоконника загадочно зеленел аквариум с одинокой рыбкой неизвестной породы. В окно скребся опадающий клен.

Ники подтащила к шкафу табуретку, влезла на нее и сняла сверху акустическую гитару в клеенчатом чехле. Извлекла ее на свет, села на тахту, положила инструмент на колени, погладила по желтому боку. Эту гитару она купила месяца полтора назад в музыкальной комиссии в Апраксином дворе. Вернее, гитару ей купил Нафаня. И даже не ей, а, скорее, себе. Вообще-то, Ники увязалась в Апрашку за компанию с Нафаней, которому нужна была какая-то хреновина для ударной установки. Гитару покупать никто не собирался. Но Нафаня, как

водится, увидел ценную вещь и сразу весь загорелся. «Супер! Покупай! – убеждал он Ники, ощупывая и чуть ли не обнюхивая сокровище. – Ты смотри, за такие смешные деньги – такой раритет! Начинать лучше всего именно на акустической! Чего – денег нет? Ладно, давай я сам ее куплю и сдам тебе в аренду...»

Ники, тщательно складывая пальцы, изобразила на грифе хитрую фигуру и взяла аккорд «ля-минор». На прошлой неделе Михалыч, не выдержав Никиного нытья, сломался и обучил ее «трем блатным аккордам».

– А подберу-ка я ту песню из подвала! – внезапно решила она. – Как там начиналось...

Потекли минуты. Ники осторожно трогала струны, ее пальцы блуждали по грифу, губы шевелились. Комната наполнилась мелодичными звуками. Трех аккордов явно не хватало, однако вскоре Ники удалось изобразить что-то похожее. Еще бы вспомнить слова...

«Как я их вспомню, если я их даже толком не расслышала?» – с сожалением подумала Ники.

Ники несколько раз спела мелодию без слов, копируя торжественную интонацию неизвестного певца, пока не решила, что она звучит в точности как на Леннаучфильме. Попыталась придумать свой текст, но, как нарочно, слова не шли.

«К такой мелодии нужны особенные слова», – подумала Ники. А особенные, настоящие слова просто так не выдумаешь. Они сами приходят.

Ники закрыла глаза и тихонько посидела – пока внутри не стало так же тихо, как в комнате. Может быть, эти слова где-то рядом, только и ждут, когда Ники позволит им дать себя услышать. Как черное солнце. Случайно обернешься – а оно уже там...

В прихожей глухо хлопнула дверь. Ники моргнула и открыла глаза.

– Вероничка! Тиль Иванович ушел, иди ужинать! – донеслось с кухни.

«Ужинать! Пельмени!» – Рот Ники наполнился слюной. Она мгновенно забыла о песне, бросила гитару на тахту и понеслась на кухню.

Перед сном Ники попыталась приспособить к мелодии свои слова про черное солнце, но безуспешно. Потом утомилась и легла спать.

Чего только не наснилось Ники в ту ночь!

...Окно раскрыто настежь – не то распахнуло ветром, не то его открыла сама Ники. А может, стекло просто исчезло, растворилось в воздухе. Ники стоит и смотрит на улицу, ветер порывами дует ей в лицо. Ярко светит полная луна. Со всех сторон нарастает шелест листьев, шорох веток, обрывки невнятных возгласов, далекий плач... Раскидистый клен, растущий прямо перед окном комнаты Ники, резко взмахивает ветками, как огромная птица, привязанная за лапу. Последние листья вспыхивают ярко-желтым на фоне тьмы, трепещут, отрываются, улетают.

«Дерево танцует погребальный танец, – как будто кто-то говорит у Ники в голове. – Ветер обрывает пожелтевшие листья.

Я слышу их прощальные крики.

Одни как будто головой мотают в отчаянии: „Нет, нет!“

Другие – тянутся вслед за ветром, умолая: „Пожалуйста, пожалуйста!“

Третьи, улетаая, крыльями машут: „Прощай, прощай!“»

Ники смотрит, как красивый резной лист надувается, будто парус, вспархивает и улетает в темноту.

«А ведь получается песня! – воображает девочка. – Может, подойдет к той мелодии?»

Тут издали, из-за облаков, доносится зов:

– Вероника!

В тот же миг Ники становится прозрачной, невидимой, легкой, как кленовый лист, и вылетает за окно. Ветер уносит ее в небо.

...Ветер уносит листья в небо, закручивая их, швыряя в разные стороны, щедро разбрасывая над городом. Ники тоже то возносит, то бросает вниз. Ей кажется, она просто лист среди прочих листьев. Она летит над Ланским проспектом, над ржавыми крышами «хрущевок», и каждый серый кирпич в их стенах – как многотонный каменный блок, а улицы так широки, что не перелететь и за сто лет. Она видит, как из труб местной ТЭЦ выползают грозовые облака и скапливаются над городом.

– Вероника! – снова доносится из-за облаков.

...Черная, густая, как смола, вода незнакомой реки ходит кругом, сворачиваясь в спираль, словно гюрза перед броском. Ники перестает быть легкой и прозрачной, она больше не летит, а падает прямо в черный водоворот. Ее снова закрутило, стиснуло со всех сторон, понесло. Ники не страшно, она ничему не удивляется – это же сон! Только одна несуразная мысль пробивается на поверхность сознания, пока ее куда-то уносит вода: «Кто я?»

Водоворот становится все сильнее, стремительнее; мир бешено закручивается в глазах Ники...

...пока вдруг не выбрасывает ее наружу.

Она падает на что-то твердое, холодное и влажное. Каменная плита? Нет – это больше похоже на низкий прямоугольный каменный стол на сплошном цоколе. Из-под плиты пробивается трава, лезут какие-то настырные прутья, выползают зеленые побеги. Стол с одного края оплетен цветущим выюнком. На каменной плите глубокие борозды, словно раны от меча.

Что это за место? Ники вспоминает. Что-то такое она в детстве видела...

– Надгробная плита, – догадывается она. – Это же могила!

– Вероника! – словно гром, раздается у нее прямо над головой.

...Ники поднимает голову и видит... воду. На месте неба – черная вода, а прямо над ней из воды восходит черное солнце. Смотреть на него невыносимо, но и не смотреть невозможно. Кажется, оно не излучает, а всасывает свет вместе с жизнью; что оно, не живое и не совсем разумное, все же обладает более сильной волей, чем любой человек.

«Не смотри на меня! – беззвучно молит Ники. – Только ничего не говори! Мне нельзя тебя слушать! Я же умру!»

Солнце заговорило.

Ники зажмурилась, зажала руками уши и от страха проснулась. За окном было еще темно, а на электронных часах – восемь тринадцать. Ники полежала минуту, приходя в себя, зевнула, вылезла из кровати и поплелась в ванную. Все равно пора было собираться в школу.

Глава 5

Мама, папа и поиски Сяня

Десять дней Лешу продержали в больнице, потом выписали. За это время короткие осенние каникулы успели начаться и наполовину пройти. Остаток каникул Лешка проторчал дома, играя на компьютере в «Дьябло-2». Наигрался до того, что опять зрение упало, просто выдохся, кроша полчища адских монстров. Прошел без проблем почти весь первый уровень – сумрачные леса и болота. Выбрал себе в качестве воина любимца-варвара, нарек его Страшила, добыл ему в каком-то склепе шикарный топор с романтическим названием «резня кромсать», обучил наводить на врагов порчу – а толку? В самом последнем подземелье к Страшילה подкралась помесь девки со скорпионом, накинулась на него из темноты как бешеная, ударила своим скорпионьим хвостом – и Страшила в мучениях помер на месте от яда. Лешу это глупо возмутило – вот подстава, даже аптечки не помогли! Неудачливого варвара отбросило на начало уровня без оружия и доспехов, и чудесный топор безвозвратно сгинул. Лешка начал было все по новой, но мама озаботилась его здоровьем и принялась гонять от компа. Дескать, болеешь – так болей. А чем еще заняться, кроме игр? Гулять нельзя. Лешка хотел как-то выйти во двор проветриться, но только оказался снаружи, как голова закружилась, в глазах потемнело – еле до квартиры по стеночке дополз. Телек смотреть надоело, да и нечего – одни сериалы, и от рекламы тошно. Читать лень. Друзья где-то оттягиваются, у них каникулы. Димка уехал с родителями в Кировск, на горных лыжах кататься, Славка разок заходил, сыграли в хот-сит в «Героев», но через полчаса пришлось прекратить – голова разболелась. Тоска! Скорее бы, что ли, в школу!

Такие печальные мысли бродили в голове у Леши, задумчиво сидящего перед монитором. На экране реанимированный варвар Страшила прорубал себе путь через отряд зомби.

– Алешка, ты опять?! Кыш от компьютера! – донесся из прихожей мамин крик.

– Да я только почту снять!

Лешка быстренько «свернул» картинку. И вовремя – в дверях возникла мама. Одета она была так, будто собиралась уходить, возле уха держала телефонную трубку. Мама с подозрением уставилась на экран, но, не увидев там привычного игрового пейзажа, смилостивилась:

– Ладно, три минуты.

– Десять!

– Пять!

– Семь с половиной!

В ответ – тишина. Лешка обернулся к двери, но мамы там уже не было. Из коридора донесся удаляющийся голос:

...Але? Танечка? Наконец-то! Что-то нас сегодня часто разъединяют...

«Еще на полчаса», – насмешливо подумал Лешка и снова развернул «Дьябло».

Мама болтала по телефону уже второй час, он засек,

– ...Кто он? Администратор в Малом оперном? Сколько ему лет – тридцать? А дочери двенадцать? А, так он не родной... Ну понятно...

«Опять сплетничают!» – возмутился Лешка. Как ей не надоест рассказывать одно и то же всем своим бездельницам-подружкам?

– ...Умненькая, старательная... Тань, ну я не знаю... Я же последний раз преподавала года три назад...

Нет, деловой разговор. Тетя Таня, мамина бывшая коллега по школе, в очередной раз пытается навязать маме ученицу по английскому. А мама, как всегда, отбивается.

– Спасибо, милая, но я никак... Два раза в неделю, по полтора часа... Сколько? Триста? Нет, не могу! Я не торгуюсь, просто абсолютно нет времени! Столько дел, что буквально ни минуты свободной не остается даже на себя, ношусь как угорелая... Ах да, самое главное – у меня же занятия! Танечка, я же тебе еще не рассказывала...

«Врет», – подумал Лешка. Какие у нее дела? По телефону с подругами трепаться? С утра смотрела телик, потом сходила в магазин, притащила кучу еды, мясо пожарила. Вкусное. Сама, что характерно, ничего не ест – бережет фигуру. Потом свалила в парикмахерскую и проторчала там часа три. А на голове что было, то и осталось, никакой разницы...

Мамин голос зазвучал громче, интонации стали бойче. Теперь она уговаривала тетю Таню составить ей компанию на занятиях по тибетской йоге.

– Чудесно, Танечка, ощущения просто поразительные! Там все так спокойно, так снимает стресс – комплекс разработан специально для жителей мегаполиса... Я один раз сходила – и просто ожила... Что ты, милая, никакая растяжка не нужна! Подумаешь, нет подготовки! Никаких «ноги за голову», только работа с тонкими энергиями, гармонизация биополя... И главное – глубокое расслабление. Это же дыхательная гимнастика, – мама засмеялась, – как в школе: подняли руки – вдох, опустили – выдох...

Вот, например, занятия эти – так называемая тибетская йога. Мамино новое увлечение. До того была аква-аэробика. Про эту тибетскую йогу Лешка тоже слышал уже раз четвертый – всем подругам было рассказано во всех подробностях. С его точки зрения, эти тибетские йоги были отъявленными лентяями. Судя по тому, как мама описывала их йогу, они только и делали, что расслаблялись.

– ...Все, я уже убегаю. До свидания, Танечка, звони, не пропадай!

В коридоре мама со стуком положила трубку на базу. В тот же миг Лешка опять свернул «Дьябло» и кликнул мышью на иконку «аутлук-экспресс».

– Так-так... – раздался за спиной мамин голос.

– А я что, я почту снимаю!

– Вот скажу отцу, чтобы поставил пароли на все игры!

– Он не сможет. Да и все равно я их потом взломаю...

Лешка оглянулся. Мама стояла в дверях комнаты уже в пальто и длинном шарфе, стройная и изящная, как танцовщица; вокруг ухоженного лица – в художественном беспорядке темно-русые прядки.

– Я пошла на йогу. Приду часов в одиннадцать.

– А чё так поздно?

– Ну, такое вот неудобное расписание...

– Хочешь, анекдот в тему расскажу? – с невинными интонациями спросил Лешка. – Одного чувака спрашивают: «Как вы расслабляетесь?» А он отвечает: «А я не напрягаюсь!»

Мама звонко засмеялась. Лешке ее смех с детства очень нравился.

– Долго не сиди. Хоть глаза собственные пожалей!

– Я только почту.

– Честное слово?

– Ну, честное...

– Не «ну честное», а просто «честное». Ладно?

– Ладно, – нехотя пообещал Лешка.

Мама ушла. «Надо бы действительно почту снять, – решил Лешка сдержать данное слово. – Ну а потом я совсем чуть-чуть... только до конца уровня дойду...»

Почта закачивалась очень долго. Зато во «входящих» появилось долгожданное письмо из Финляндии с приаттаченными файлами картинок мегабайта на полтора. Лешка обрадовался. После большого перерыва прорезался Пекка Капийainen, друг по переписке. Прошлой весной

этот Пекка приезжал по обмену в Питер и две недели жил в Лешиной семье. Лешка собирался съездить к нему в Тампере на осенних каникулах, но из-за этих дел с сотрясением поездка обломилась.

Лешка первым делом залез в аттач. Фотки пестрели видами каких-то разукрашенных флагами замков, конных рыцарей и менестрелей с мандолинами. На переднем плане неизменно маячил радостно ухмыляющийся Пекка в классическом наряде колдуна: фиолетовый балахон, остроконечная шляпа, суковатый посох в руках. Лешка заглянул в текст письма. Пекка, как истинный финн, был немногословен: в двух абзацах он сообщал, что на фотках – ежегодный средневековый фестиваль в городе Хяммеллинна с карнавалом, рыцарским турниром, ярмаркой, школой верховой езды и стрельбы из лука и прочими прелестями средневековой жизни. Пекка писал, что побывал там в августе, ему там дико понравилось и он хочет еще.

«Правда ли, что у вас в Выборге тоже проводят рыцарские турниры? – читал Лешка кривые английские фразы финского парня. – Я был бы рад посетить и принять участие в этом фестивале. Напиши, pls, когда он имеет место и сколько стоит участвовать. Я с родителями буду в Петербурге на рождественских каникулах. Пока, Алекс, see you later! Bye!»

«Выборг» Пекка обозвал «Виипури», а Петербург – «Пиетари». Лешка перечитал письмо, повнимательнее просмотрел фотки, слегка позавидовал. Все оттягиваются, один он сидит без дела из-за этого идиотского сотрясения! О чем ему писать Пекке, какими новостями поделиться? Как он все каникулы провалялся в больнице, а теперь мается дома от скуки?

Лешка повздыхал, пожалел себя, а потом поставил в сиди-ром диск с русско-английским словарем и принялся сочинять ответ. Английский Лешка знал ничуть не лучше Пекки. В общем-то, ради языковой практики они и переписывались.

«Hi, Pekka! How are you? I'm OK now. But I had problems... – Лешка задумался, как выразить по-английски, что он попал под машину. – ...I spent holidays in the hospital. I had an accident. I met with a car on the road and it nearly killed me. But one man saved me...»

Вспомнив Пекку в наряде колдуна, Лешка неожиданно напечатал:

«I think he was a magician».

Лешка ухмыльнулся и стер последнее предложение. Интересно, как бы отреагировал любитель средневековья Пекка, если бы получил от русского друга примерно такое послание?

«Привет, Пекка. Меня тут сбила машина. И я умер. Но мне офигенно повезло: мимо проходил добрый волшебник и вернул меня к жизни. Но мои предки этого не заметили и позвали меня к себе. И я поперся в гости к покойной бабушке, чтобы она проводила меня к какому-то там Входу – надо полагать, на тот свет. И возле этого самого Входа меня настигает... кто? Думаю, что Смерть. Раньше она была всадником на бледном коне, а теперь – бандюк на черном джипе. Он сообщает, что кто-то принес меня в жертву, и намеревается забрать меня с собой в ад. Волшебник, будучи офигительно добрым, говорит – возьмите меня вместо него! Демонический бандюк, понятное дело, рад. Уговор скрепляют честным словом, бандюк уезжает к себе в ад, волшебник сваливает по своим волшебным делам. А я остаюсь валяться на тротуаре со всеми признаками сотрясения».

Вообще-то, надо признаться – получалось логично. Психи, говорят, тоже могут логически обосновать любой свой бред.

Лешка решительно стер все письмо до фразы «I'm OK». «Я о'кей – ты о'кей, – пробормотал он. – А все остальное никого не касается».

За эти две недели Лешка так никому и не рассказал, что с ним приключилось на самом деле. Друзья просто не поверят, а родители... как бы снова лечить не начали. А поделиться пережитым хотелось. Может, все-таки написать финну?

Вернувшись из больницы, Лешка сразу попытался поискать Виктора через Интернет, но безуспешно. Никакого восточного целителя Виктора Сяня там не было. Само слово «сянь»

попалось множество раз, но с маленькой буквы. Лешка «кликнул» наугад, увидел словосочетание «Восемь бессмертных Древнего Китая», усмехнулся, на всякий случай прочитал описания небожителей. Ни под одно из них Виктор не подходил.

«Ну что ты заиклился на этом Викторе? – укоризненно обратился к себе Лешка. – Разве не видишь – все глухо. В Питере живет пять миллионов – как в таких условиях найти человека, у которого знаешь только имя, да и то, скорее всего, фальшивое. Зачем он тебе? Боишься последствий – что тебя будет искать тот бандит на „инфинити“?»

Лешка подумал – и ответил себе честно: «Нет, не боюсь. Виктор же меня выкупил. Если у меня и были проблемы, то теперь проблемы у него».

Может, как раз из-за этого выкупа? Человек выручил его, пострадал, а Лешка принял это как должное – как будто так и надо. Вот бы встретить его снова и убедиться, что с ним все в порядке. Чтобы совесть была спокойна. «Я перед ним вроде как в долгу, – подумал Лешка. – Это-то меня и гнетет».

И вообще, Лешке пришло на ум, что во всей этой истории он вел себя не самым достойным образом. Как первоклассник. Прятался, ныл, в обморок падал. Даже номер джипа не сообразил запомнить, так перетрусил. Позорище. Пока другие его ценой жизни спасали...

С другой стороны, Виктор – взрослый мужик и, наверно, знал, во что влезает, подумал Лешка. Но если он кидается спасать кого ни попадя, то действительно странно, как он так долго прожил...

Лешка маялся за компьютером еще часа два, пока не пришел с работы отец. Пришел неожиданно рано – около восьми. Лешка подождал, пока папа переоденется, примет душ и отправится ужинать, и пришел на кухню – общаться.

Папа, с мокрыми волосами, в футболке и полотняных шортах, ел с большой сковороды мясо с жареной картошкой и луком. Лешка налил себе чашку чая, сел за стол напротив отца. Сам он уже поужинал.

– Как дела в школе? – невнятно спросил папа, двигая челюстями.

Лешка хихикнул.

– Пап, еще каникулы не кончились! В школу только с понедельника.

Отец невозмутимо кивнул, принимая поправку, и вернулся к еде. Наворачивал он здорово – должно быть, проголодался за день. Лешка отхлебнул чай, задумчиво глядя, как папа поглощает куски свинины и ломти картошки. Папа, по мнению Лешки, выглядел именно так, как должен выглядеть реальный мужчина: высокий, широкоплечий, с квадратной челюстью... Пивное брюшко и глубокие залысины на лбу, конечно, слегка портили дело, но не слишком. Уж лучше, чем курносый нос.

Собственной внешностью Лешка был недоволен. Хотя многие говорили, что он симпатичный. Большие голубые глаза, светлые волосы стрижены ежиком. Но вот курносый нос... да и челюсть подкачала. Мама по этому поводу как-то сказала ему, чтобы он не переживал: с возрастом нос выпрямится, а челюсть выдвинется вперед сама. Лешка не очень-то поверил. Впрочем, ситуация с носом была поправимая – записаться в любую секцию бокса. Там все носы ломают. Будет мужественная горбинка. Или мужественная кривизна.

А папа, узнав об этих разговорах, сказал: «Не о том думаешь, в мужчине внешность не главное». – «А что главное – деньги?» – спросил сообразительный Лешка. Но папе его слова почему-то не понравились. «Главное – характер! – заявил он. – ролевой, решительный, ответственный. Все остальное приложится. В том числе и деньги...»

– Где мать шатается? – спросил отец через несколько минут, расправившись с картошкой.

– На тибетской йоге. У нее теперь по понедельникам и четвергам всегда так поздно будет.

Папа нахмурился и невнятно пробурчал что-то такое, что для Лешиних ушей не предназначалось.

– Лучше бы домом больше занималась, – добавил он. – Вон, картошка почти холодная.
– Так подогрел бы, – автоматически сказал Лешка. – Я вот подогрел.
– Еще мне не хватало самому себе еду готовить, – сухо ответил папа. – Притащи-ка из холодильника пару «Гиннеса».

Лешка послушно сходил, принес две бутылки «Гиннеса» и, с намеком, два высоких изящных стакана. Папа посмотрел на стаканы, хмыкнул и налил – один полный, второй на треть.

– Эй, почему так мало? – возмутился Лешка.
– Хватит с тебя. – Отец отхлебнул из полного стакана, положил вилку и откинулся на стуле. – Мать и того бы не позволила. Ну, рассказывай.
– Что рассказывать?
– Что у тебя стряслось. Я же вижу.

Лешка глотнул темного пива, взял папину вилку, подцепил со сковороды кусок картошки, положил в рот. Картошка действительно была холодная. Лешка размышлял, с чего начать.

– Ну... пап, представь себе такую ситуацию. Идешь ты по улице. И вдруг на твоих глазах бандиты начинают угрожать какому-нибудь парню, затаскивать его в машину... Что ты станешь делать?

– Какая машина?
– Джип «инфинити».
– Так... Те «бандиты», которые затаскивали парня в джип, с ним до этого говорили?
– Говорили.
– Можно сказать, что они с ним знакомы?
– Ну, можно.
Папа отхлебнул пива.
– Ничего не стану делать.
– Чё, совсем ничего? – удивился Лешка.
– Это не мои проблемы. Бандиты – если это действительно бандиты, а не его приятели, которые решили подшутить, – просто так ни на кого не наезжают. Наехали – значит, есть серьезная причина. Скорее всего, этот парень сам из их шайки.

– А представь себе другую ситуацию, – не отставал Лешка. – Шел человек, увидел, что какие-то бандиты мочат невинного человека, решил вступить – и сам пострадал...

Папа открыл вторую бутылку «Гиннеса».
– Такое только в кино бывает,
– Нет, это было на самом деле!
– Ну тогда этот случайный прохожий – просто идиот. Потому что только полный идиот будет влезать в чужие разборки, которые его никак не касаются.
– То есть надо было пройти мимо? – уточнил Лешка.
– Конечно!

В отцовском голосе не было ни малейшей тени сомнения. Лешка был слегка шокирован.
– Но так же неправильно... Если ты можешь помочь и не помогаешь, это...
– Жестоко? – подсказал папа.
– Ну, типа того.

Папа не обиделся. Наоборот, он кивнул, как будто именно это и ожидал услышать от Леши.

– Нет, Лешка, это не жестокость. Я просто пытаюсь показать тебе схему правильных действий в такой ситуации. Это не твое дело – отбивать прохожего у бандитов. Это дело милиции. Если чувствуешь себя обязанным помочь, то позвони в милицию и успокойся. А больше ты ничего и не сможешь.

– Я не смогу. А ты?

Папа поставил на стол стакан и пристально посмотрел в глаза Лешки.

– Давай-ка выкладывай. Что у тебя случилось?

– У меня – ничего. Просто шел по улице и видел: стоял на остановке парень, напротив остановился джип, оттуда вылезли какие-то братки и начали его затаскивать в машину, – сказал Лешка почти правду. Рассказывать папе о зове предков, жертвенниках и прочей неправдоподобной лабуде Лешка не собирался. Точно знал: папа не поверит, и будет только хуже. – Какой-то прохожий хотел вступить, так его напинали и тоже увезли.

– Вот-вот, – папа кивнул. – Наглядная иллюстрация к моим словам. Вот что бывает, если влезаешь в чужие дела. Скорее всего, это были разборки между своими. Наказание какого-нибудь мелкого наркодилера. Тот прохожий поступил как дурак. А дураков надо учить. Впрочем, в нынешнем мире такие люди долго не живут.

Лешка невольно вздрогнул. Эти слова он недавно где-то слышал.

Папа, видя, что сын обдумывает его слова, придвинул к себе сковороду и принялся отскребать с нее самое вкусное – пригоревшие остатки мяса.

Лешка действительно размышлял. Хотя папины Рассуждения выглядели логичными и правильными, и в общем Лешка был с ними совершенно согласен, одно в эту картину не укладывалось. Лешка был уверен: Виктор кто угодно, только не дурак.

– Давно это случилось? – спросил папа, покосившись на задумавшегося сына.

– Недели две назад.

– Ну что ты мучаешься? Хочешь, позвони в милицию. Номер джипа запомнил?

– Не-а, – уныло сказал Лешка.

– Тогда забудь. Их не найти.

«Забудь, – мысленно повторил Лешка. – Их не найти». Вот и ответ.

Ему стало и печально, и в то же время легко, как будто груз упал с души. В этот момент он почувствовал, что его жутковатое приключение осталось в прошлом.

Глава 6

Педофил с когтями

Возле школьного гардероба вывесили объявление – в районе объявился педофил. Сверху надпись с восклицательными знаками, справа – смазанный фоторобот, под который подходила половина родителей учеников, слева – инструкция для девочек, как себя вести при встрече с маньяком в темной подворотне. Меры были в основном превентивные: поздно домой не возвращаться, в темноте не гулять, с незнакомыми людьми в подъезд не заходить... Вероятно, подразумевалось, что если девочка где-то проколется и зайдет-таки в подъезд вместе с маньяком, ей уже ничто не поможет. Школьники к объявлению отнеслись несерьезно – разглядывали портрет, вспоминали всякие случаи, хохмили. «Чем отличается педагог от педофила? Педофил – он детишек любит!» – «А хотите анекдот? Сидят в песочнице две девочки, к ним подходит педофил и говорит...» Педофил глядел с объявления на остряков и задумчиво улыбался.

Ники удостоила фото маньяка мимолетным взглядом, а инструкцию прочитать не потрудилась вообще. Она смотрела на себя в зеркало, ожесточенно пытаясь натянуть вязаную шапку как можно глубже на уши, а дурацкая шапка, которая уже год как была ей мала, налезать на уши отказывалась.

«Все! Приду домой и скажу маме – больше я в этой шапке в школу не пойду! Пусть берет откуда хочет деньги и покупает новую!»

– Ого, какой клевый чепчик! – раздалось сзади. Опять этот придурок Вовик со своими дурацкими шутками. На математике он минут двадцать тыкал Ники в спину карандашом, Ники шипела и ругалась, а он ржал как конь. После урока схлопотал по тычке, а сейчас явно нарывался на вторую плюху.

– Отвали, – не оборачиваясь, огрызнулась Ники. Шапку она решительно сорвала с головы и запихала в сумку. Лучше подхватить менингит, чем так позориться.

Вовик не отставал.

– А это что за бандура? – спросил он, протягивая руку к гитаре в клеенчатом чехле. – Контрабас? Покрышкина, дай поиграть!

Ники молча его оттолкнула и принялась повязывать шарф.

– Это не ты случайно у метро «Пионерская» по вечерам на скрипке играешь? – невинно поинтересовался кто-то из Вовкиной компании. Остальные тут же подхватили хохму:

– Точно, она! Только не в этой куртке, а в таком Дырявом пальто и валенках, чтобы больше подавали!

– Нет, у нее два пальто – одно грязное, другое дырявое, она их на работу по очереди надевает. Это униформа такая.

– Ну и как, Покрышкина, хорошо зарабатываешь?

– А я видел, как один нищий отошел от метро к ларькам, сел в машину и уехал. Представляете? Может, она уже на «мерсе» катается?

– А что исполняешь? Русский шансон?

– Сбаци нам чего-нибудь!

Ники, не отвечая на насмешки, повесила гитару на плечо, обогнула компанию парней и побежала к выходу. Гитара была такая громоздкая и неудобная, что Ники казалось – она тащит на плече комод. В дверях гитара ударилась о косяк, и по вестибюлю поплыл жалобный звон. Сзади донесся взрыв хохота.

«Вот гады! – стиснув зубы от злости, Ники выскочила на улицу. – Как им не надоест издеваться? Чтобы я еще хоть раз показалась в школе с гитарой...»

На улице уже стемнело. Падал редкий снег, искрясь в лучах фонарей. С обеда заметно похолодало. У Ники моментально замерзли уши. Волосы, хоть и густые, почти не грели. «Нужен подшерсток, – подумала Ники. – Как у зверей. Ничего, если мать не купит мне нормальную шапку, то он скоро вырастет. А не вырастет, тем хуже маме. Заболею, ей же со мной потом возиться».

Попытки подобрать песню с Леннаучфильма и последовавшие за этим удивительные сны привели к неожиданному следствию: Ники отправилась в местный «дом творчества юных» – да и записалась там в кружок игры на гитаре. Первое занятие ей очень понравилось. Преподаватель, приятный молодой человек, гитару одобрил, только посоветовал натянуть нейлоновые струны вместо металлических и научил двум видам перебора. Мама против кружка не возражала, хоть и вздыхала по поводу расходов. Позвонила бабушка, та идею с гитарой не одобрила в принципе: «Будет теперь по дворам с парнями шляться, вместо того чтобы уроки учить!» Ники с удовольствием представила себе, как шляется по дворам с кем-нибудь типа Рэндома и Нафани, и бабушкины слова, как всегда, проигнорировала.

До «дома творчества» от дома было три остановки, от школы – четыре. Ники вышла на Ланской и еще издалека заметила девяносто восьмой автобус. Прикинув расстояние до ближайшей остановки, она перешла на бег. Бежать с рюкзаком на одном плече и гитарой на другом было страшно неудобно: гитара била по спине, рюкзак сползал, – но Ники сделала рывок и в последний миг успела вскочить в дверь. Тяжело дыша, она помахала кондукторше проездным билетом и плюхнулась на сиденье. Щеки ее горели, с волос на воротник сыпался снег. Ники рассеянно оглядела салон автобуса, устроилась поудобнее и отвернулась к окну, за которым пробегали световые конусы фонарей и темные прямоугольники домов.

Так уж получилось, что у Ники друзей в школе не было. И вообще у нее с ровесниками отношения как-то не складывались, колеблясь от равнодушного отчуждения до открытой травли. Это повторялось каждый раз, как она попадала в новое место: в детском саду, в школе... О том, что было, когда она ходила в бассейн, даже вспоминать не хочется... Почему? Ники понять не могла. Ничего плохого она вроде никому не делала, ничем от других особенно не отличалась... Она уже начинала думать, что на ней какое-нибудь проклятие, когда познакомилась с ребятами из «Утра понедельника» и подружилась с Нафаней. «Как мне тогда повезло!» – в который раз подумала Ники, вспоминая, как она вломилась к ним в примерку за автографом. Несколько месяцев назад в школе устроили дискотеку, и группу «Утро понедельника» пригласили на ней поиграть. Одно время пошла такая мода: под записи плясать непонтово, а вот под живую музыку – круто. Нафаня когда-то учился в этой самой школе, потому и согласился выступить по старой памяти. А потом Ники увидела Рэндома и – главное – услышала, как он поет, и у нее снесло крышу. Во время перерыва ноги сами принесли Ники в примерку. Посреди маленькой комнатухи сидел на табуретке кумир – Рэндом – и тихонько брэнчал на выключенной электрогитаре.

– Чего смотришь? – спросил он Ники, не переставая играть.

Ники тарасилась на него как зачарованная. Рэндом казался ей высшим существом, пришельцем из другого мира. Про автограф она сразу забыла.

– Заходи, – пригласил ее высокий худой парень. Это был Нафаня. – Чаю хочешь?

Ники, в глубине души уверенная, что «звезды» с ней не станут даже разговаривать, была потрясена. Она взяла стаканчик с чаем и села в уголке, пожирая Рэндома взглядом.

– Ого, какие глазщи, – восхитился Нафаня. – Глянь, Рэндом. Как у лемура.

Рэндом хмуро покосился на девочку.

– Печенья ей дай, – буркнул он. – У меня в сумке, в наружном кармане.

– А на этой гитаре трудно играть? – робко спросила Ники.

– Что, хочешь поиграть? А ты умеешь?

– Нет, – призналась Ники и впала в грусть. – У меня и гитары нет.

Нафаня тут же ее пожалел. Он вообще был сострадательный к разным мелким беспомощным существам.

– В принципе, ничего сложного, было бы желание. Я бы тебя поучил. Хочешь, приходи как-нибудь к нам в студию.

– А можно? – затаила дыхание Ники.

– Нафаня! – укоризненно произнес Рэндом.

Нафаня, ничего не ответив, подмигнул Ники, подхватил барабанную палочку и ловко завертел ее в воздухе.

– Ты и на барабанах умеешь? – восхищенно спросила Ники. – Или только тот, толстый?

– Кто тут толстый? – раздался голос в дверях. Вошел Михалыч. – Это еще что за пигалица тут отирается?

Ники испугалась и съежилась в своем углу. Нафаня радостно захохотал.

– Видишь, до чего ты докатился? Уж если даже фанатки считают тебя толстым, значит, так оно и есть.

– Я не толстый, – возразил Михалыч, – я солидный. У барабанщика должно быть брюхо. Для резонанса.

Ники не удержалась, приснула от смеха.

– Ты глянь, как она смеется! – воскликнул Нафаня. – Как рулетка в «Брейн-ринге»! А давайте возьмем ее бэк-вокалисткой!

– Нафаня! – простонал Рэндом.

Михалыч добродушно усмехнулся.

– Он согласен! – объявил Нафаня.

Ники сидела, улыбаясь во весь рот, и думала о том, «о она всю жизнь мечтала стать бэк-вокалисткой, и вот, наконец, ее мечта сбывается! Теперь бы еще выяснить, что это такое...»

Внезапно Ники очнулась от приятных воспоминаний. Непонятно почему она почувствовала себя неуютно. Ники оглянулась. В автобусе ничего не изменилось. Люди ехали по своим делам, до нее никому дела не было, но у Ники возникло ощущение, что за ней кто-то следит. Она еще раз, более внимательно, осмотрела салон. В ком-то из пассажиров была какая-то трудно определяемая, тревожащая странность. Ники оглядела всех по очереди: пенсионер, двое мальчишек, тетка в шубе, мужичок в ушанке с портфельчиком, «омоновец» в камуфляже и куртке с капюшоном... «А почему он едет в автобусе, надвинув на глаза капюшон? – удивилась Ники. – Жарко же, и не видно ничего...»

На мужике были высокие шнурованные ботинки на протекторе, пятнистые черно-серые штаны с карманами и обширная темно-серая куртка, которая полностью скрывала его лицо и руки. «Омоновец», как будто поймав ее взгляд, повернул голову в ее сторону. Лица его под капюшоном не было видно совсем, тем не менее Ники отчетливо ощутила его пристальный взгляд. Может быть, от того, что она не видела его глаз, ей стало неприятно.

«Чего пялится?» – сердито подумала Ники и со строгим видом отвернулась к окну. Когда через полминуты она искоса взглянула на «омоновца», черный раструб капюшона был все так же направлен в ее сторону. Ники стало как-то страшно. «А не педофил ли это? – подумала она, вспомнив объявление в школе, и по ее спине пробежали мурашки. – Чего это он лицо прячет?»

Автобус, не доезжая до Черной речки, свернул налево. Ники встала и направилась к выходу. У дверей она оглянулась: подозрительный мужик стоял, отвернувшись к окну, и на нее не смотрел.

«А может, это и не педофил, – приободрилась Ники. – Может, я ему просто понравилась!»

На всякий случай Ники выждала, пока двери не зашипят, закрываясь, и в последний момент выскочила на улицу. Автобус закрыл двери и уехал. «Так-то!» – довольная своей лов-

костью, подумала Ники, повесила на плечо гитару и быстрым шагом направилась во дворы, к «дому творчества».

Снегопад совершенно прекратился, но мороз нарастал. Снег искрился и скрипел под ногами. На улице было совсем пусто – ни прохожих, ни трамваев, ни автомобилей. Только снег, тени, фонари, луна, звезды. Ники шла вдоль домов, поглядывая на освещенные окна.

Она прошла через двор и свернула в следующий. Посреди двора располагался детский сад, окруженный сетчатым забором. За забором росли кусты и березы. Проходя мимо сада, Ники услышала громкое нестройное хлопанье крыльев, подняла голову и увидела, как с березы сорвались и улетели несколько ворон. Закачались кусты, с кромки забора просыпался пласт снега. Ники остановилась, поглядела на забор и почувствовала себя так, будто у нее внезапно заledenели внутренности. Хотя во дворе было несомненно пусто, ей показалось, что на березе у забора кто-то сидит.

Она постояла несколько секунд, прислушиваясь и присматриваясь. Вокруг было абсолютно тихо. Ники осторожно подошла к забору и увидела на снегу след. Отпечаток протектора большого размера. Всего один, как будто его владелец возник из воздуха и в воздух же ушел.

Ники поглядела на этот след, и ей стало жутко. До «дома творчества» оставался еще один двор. Но внутренний голос подсказал, что бежать уже поздно.

Ники обернулась и застыла на месте. Шагах в десяти за ее спиной стоял «омоновец» из автобуса.

В свете луны «омоновец» казался монолитной черной фигурой. Он неподвижно стоял на тропинке, по-прежнему надвинув капюшон до самого подбородка. Ники попятилась к забору, прикрываясь гитарой. Она открыла рот, но не смогла издать ни звука. Педофил – теперь уж было совершенно ясно, что это он, – не двигался и как будто не спеша изучал свою жертву. Ники прикинула расстояние до соседнего двора, сделала шаг в сторону...

– Стоять, – раздался из раструба капюшона негромкий гнусавый голос. От его жестокой, равнодушной интонации у Ники чуть не остановилось сердце.

– В-вам ч-чего? – пролепетала она. «Омоновец» издал странное шипение и сказал:

– Просто несколько маленьких уколычиков.

Ники с ужасом увидела, что из его рукавов одновременно выскочили два черных серповидных лезвия, напоминающих длинные кривые когти.

– Больно не будет, – сказал маньяк, откидывая капюшон. – Мы только кое-что проверим.

Лица у маньяка не было. Вернее, его лицо закрывала черная эластичная маска с прорезями для глаз, какую носят спецназовцы. Глаза у него были четырехугольные и светились, как две маленькие красные луны.

Увидев эти глаза, Ники вжалась в забор и завопила.

Маньяк, не сходя с места, по-особому взмахнул своим черным когтем, и Ники онемела. Она напрягала голосовые связки, но не могла издать ни звука.

– Ну вот, а ты боялась, – раздался удовлетворенный голос маньяка.

Ники стояла, выпучив глаза, и разевала рот, как рыба.

– Сначала горло. Потом – ну, допустим, ноги...

И снова чиркнул по воздуху когтем.

У Ники подломились колени, и она неловко упала на жесткий снег. Гитара, стукнувшись о забор, нестройно загудела.

– А теперь – глаза...

«Не может быть», – успела подумать Ники. Дикий ужас смешался в ней с безграничным удивлением.

Комментарии маньяка вдруг потонули в шуме двигателя и шелесте колес. Ники услышала, как где-то рядом открылась и захлопнулась дверь машины. А потом раздался очень знакомый холодный голос:

– Кажется, я вовремя.

Ники повернула голову и увидела Толика. За его спиной, слепя «омоновца» дальним светом, стоял с работающим мотором черный «инфинити».

Маньяк посмотрел на Толика и снова зашипел. Ники с опозданием поняла, что это был смех.

– Сворачивайся, – бесстрастно сказал Толик.

– Да ладно, я только начал...

Толик как-то незаметно оказался рядом с ним, взмахнул рукой – и педофил покатился по снегу, получив по морде. Толик, не теряя ни секунды, пнул его по почкам, наклонился, вырвал из его руки кривой нож и наступил на него каблуком. Нож захрустел, как стеклянный. Этот хруст реанимировал маньяка – он приподнялся на локте и рывкнул:

– Коготь-то зачем ломать, мясник косорукий?!

И тут же опрокинулся на спину, получив жестокий удар в лицо. От удара у маньяка слетели красные очки, жутковатое свечение потухло, «омоновец» уронил голову на снег, затих и больше не шевелился.

Ники, почувствовав, что ноги снова ее держат, подхватила гитару и бочком направилась к подворотне.

– Ты в порядке? – хмуро спросил ее Толик.

– Да, кажется...

– Иди в машину.

Ники еще не приходилось ездить в «инфинити», хотя в другое время она бы не отказалась на нем покататься, как бы неприязненно ни относилась к Толику. Но сейчас был не тот случай, когда она могла оценить преимущества внедорожника перед автобусом. Ники съезжилась на заднем сиденье, перепачкав его снегом, в котором извалилась с ног до головы. Теперь, когда все закончилось, ее начала бить нервная дрожь. «Дворники» с умиротворяющим шуршанием разметали снег с лобового стекла, тихо шумела печка, радио бормотало беспечным женским голосом. Ники подняла гитару с колен, чтобы переложить ее на сиденье, и почувствовала, что у нее качается гриф. Расстегнув клеенчатый футляр, она обнаружила нечто ужасное – кусок деки отломился, гриф болтался на одном шурупе. Ники застегнула футляр и тихо заплакала.

– Хватить скулить, – рывкнул спереди Толик, вырывая из двора на Омскую улицу. – Ничего с тобой не случилось.

– Гитара сломалась, – сквозь всхлипывания выговорила Ники.

Толик промычал что-то невнятное. Несколько минут они ехали в тишине.

– Куда мы едем? – спросила Ники.

– Домой.

– Ко мне?

– Ну не ко мне же!

Толик определенно был зол. Впрочем, неудивительно. Ники подумала, что надо бы поблагодарить его за спасение, но никакой благодарности почему-то не ощущала. Вместо «спасибо» она, всхлипнув, спросила:

– Кто это был?

– Какой-нибудь псих, – буркнул Толик. – Наверно, бывший контрактник. Они там все с ума сходят и на гражданке все никак воевать не перестанут...

– У нас в школе висит объявление, что в районе объявился педофил. Думаете, это он?

– Однозначно, – кивнул Толик. – Повезло тебе, что я ехал мимо.

– Вы его убили?

– Убил, как же, – хмыкнул Толик. – Так, морду слегка начистил.

– Может, надо было милицию вызвать?

– Бесполезно. Они его все равно не найдут. А тебя по допросам затаскают.

– Зачем же вы его отпустили?

– А я что, нанимался его ловить?

– Но это же маньяк, – встревожилась Ники. – Он же вернется!

Толик, не сбавляя скорости, обернулся к девочке.

– Непременно вернется, – язвительно сказал он. – Подкараулит в парадной и прирежет.

Ники побледнела. Толик захохотал, как будто сказал что-то очень смешное.

– Знаешь, почему он напал именно на тебя?

Небольшие холодные глаза Толика были устремлены прямо в лицо Ники.

– Педофил выбирает самых слабых. Тех, кто не может дать ему отпор. Он сам трус, поэтому ищет тех, кто еще трусливее его.

– Я не трусиха! – возразила Ники.

– Разве?

Впереди вспыхнул красный светофор, и Толик перенес внимание на дорогу.

– Ты действительно считаешь себя смелой? – продолжал он, сворачивая с Ланского в «карман». – Ты способна постоять за себя, если на тебя нападают? Что-то я не замечал...

Ники вдруг вспомнился сегодняшний эпизод с Вовиком и его компанией. «Они надомной издевались, а я просто убежала, – подумала Ники и почувствовала, что ее щеки покраснели от стыда. – И все время так! Меня обижают – я молчу и терплю... Неужели я действительно трусиха?»

– А что я могу сделать, когда все против меня? – тихо спросила она.

– Вероника, это закон природы: мучают тех, кто не может защищаться. То есть самых слабых и незащищенных. Человеческое общество живет именно по таким законам.

– Я что, самая слабая?

– Ну раз тебя, говоришь, все пинают, значит, да.

– Но я не делала никому ничего плохого!

– Для того чтобы мучить слабых, повод не нужен. Это нормальный инстинкт. Если у человека есть возможность сделать гадость ближнему безнаказанно, он ее непременно сделает... Люди вообще устроены довольно гнусно.

– Это же неправда! – воскликнула Ники. Толик мерзко усмехнулся.

В глубине души что-то говорило ей, что Толик прав.

«Значит, я просто слабачка и трусиха!» – потрясенно подумала она.

Ники было очень стыдно. Она с ненавистью посмотрела в подбритый затылок Толика, как будто это лично он был виноват в несправедливом и жестоком устройстве мира.

«Теперь все будет по-другому, – с ожесточением подумала она. – Я не позволю никому меня мучить. Если Вовик снова начнет издеваться и колоть меня карандашом, я ему... сломаю нос. Больше никто не посмеет обижать меня».

Высадив Ники у парадной, Тиль вырулил на Ланской и поехал в обратном направлении. Возле остановки девяносто восьмого автобуса он остановил машину. Через минуту дверь открылась, и на переднее сиденье плюхнулся человек в камуфляжной куртке.

– Хоть бы снег отряхнул, – проворчал Тиль. – Наташили грязи в салон...

Человек в камуфляже откинулся на спинку сиденья.

– Ну ты и гад все-таки, – весело сказал он. – Шутник, блин! Если бы ты сломал мне нож, ух что бы я с тобой сделал!

– Не все же тебе одному развлекаться, – буркнул Тиль, трогаясь с места. – Ну, прошла она проверку?

«Омоновец» кивнул.

– По-моему, самая обычная девчонка. Перепугалась, как курица. Даже убежать не попыталась. Она сама-то хоть знает, кто ее мать?

– Ничего она не знает, – уверенно сказал Тиль. – А вдова ей специально не говорит. Потому что понимает: сболтни она хоть слово лишнее – и больше дочку не увидит.

– А если она притворяется, а сама тем временем...

– В этом и был замысел проверки. Когда под угрозой жизнь, тут, знаешь ли, не до лицемерия.

Тиль вывел машину к Черной речке и поехал в сторону центра. «Омоновец» расстегнул куртку – в салоне было жарко – и включил погромче музыку. Играла какая-то классика, грозная, свирепая и веселая. «Омоновец» послушал, вздохнул и убавил звук.

– Уж слишком быстро ты появился, – недовольно сказал он. – Все развлечение испортил. Я только-только вошел во вкус...

– Этого-то мы и боялись, – усмехнулся Тиль. – Что ты войдешь во вкус. Шеф велел мне выждать не более десяти минут. Прикинул, что за это время ты не успеешь ее прирезать.

– Да он настоящий психолог! – уныло сказал «омоновец».

Оба засмеялись.

– Слушай, а вот скажи... просто интересно, – заговорил Тиль, глядя перед собой на дорогу. – Если бы я не появился, ты бы ее убил?

– Не знаю, как уж дело бы пошло. Почему бы и нет? Не в первый раз.

– Ты это дело заканчивай. Шеф недоволен. Твои охотничьи развлечения нам уже дорого стали. Административный ресурс тоже не безграничен, – поучающим тоном сказал Тиль.

«Омоновец» презрительно усмехнулся и, красуясь, выпустил и втянул черные клинки.

– Кстати, я не понял, почему ее нельзя убивать. Если она так тревожит шефа, давно бы уж...

– Не знаю. Приказ есть приказ. Он сказал – нельзя допустить, чтобы она умерла. Если она погибнет, немедленно отправитесь вслед за ней. Оба, – со значением добавил он.

Человек в камуфляже беспечно пожал плечами.

– А то я там не бывал. Напугали черта преисподней.

– А я туда не тороплюсь, – резко ответил Тиль.

– Боишься смерти?

– Не смерти, – сквозь зубы ответил Тиль, сбавляя скорость. – Возмездия.

Он крутанул руль влево, игнорируя сплошную разметку. Машина свернула с Каменноостровского на набережную Карповки и вскоре остановилась напротив роскошного дома в стиле модерн.

– Приехали, – сказал Тиль.

Глава 7

Урок истории

Закончились каникулы и, вместе с ними, Лешкин вынужденный отдых. Так вышло, что первый учебный день пришелся на пятницу. Ни то ни се – некоторые вообще в школу не пошли, и им потом за это ничего не было. А Лешка решил пойти, потому что ему страшно надоело сидеть дома.

Гимназия, которую посещал Лешка, была одной из лучших в районе. В свое время родители потратили немало усилий и средств, чтобы его туда запихать, но дело того стоило. В гимназии училась только элита. Когда-то это была обычная районная школа, но после того, как ее полностью перестроили» она превратилась в помпезное здание, больше похожее на бизнес-центр или банк, как будто напоминая ученикам о тех местах, где им предстояло трудиться в будущем. Обязательная школьная форма тоже напоминала покроем деловой костюм. Перед школой располагалась собственная парковка, прямо как в американских фильмах; здание было окружено изящной кованой решеткой, перед входом на посетителей смотрели видеокамеры, а внутрь пускали только по пропускам.

Народу набралось едва полкласса, поскольку многие на каникулы куда-нибудь уезжали и еще не вернулись, да и у остальных настроения учиться пока не появилось. Лешке обрадовались; на первых уроках он только и делал, что рассказывал приятелям о том, как попал под машину (без мистики, разумеется). А к последнему уроку почувствовал, что притомился. Впрочем, урок был не самый важный – отечественная история. Лешка лег грудью на парту, положил голову на руки и уставился сонным взглядом в окно. В голове у него что-то шумело, из-за чего слова учителя долетали как бы издалека.

Учителя истории звали Иван Данилович. Большинство учителей средних и старших классов гимназии принадлежали к мужскому полу, чем особенно гордилась директриса. Иван Данилович был сухощавый блондин лет сорока со спокойными голубыми глазами, нарочито тихим голосом и манерами джентльмена. Лауреат всевозможных педагогических конкурсов, он принципиально не пользовался учебниками и работал по собственной авторской программе. Уроки, как в каком-нибудь институте, проводил в виде лекций и дискуссий. Ко всем ученикам, даже шестиклассникам, Иван Данилович обращался на «вы». Лешка долго не мог к этому привыкнуть, и многие другие ученики тоже. Поначалу они даже проверили историка на прочность, считая его неизменной вежливостью признаком трусости и мягкотелости. Историк, однако, проверку прошел. В отличие от многих других учителей, которые, видя перед собой детей известных в городе родителей, начинали вести себя как обслуживающий персонал, лебезить и прогибаться. Такие учителя в гимназии не задерживались.

– Что такое царская власть? И чем она принципиально отличается, допустим, от власти президентской? Или от власти королей Западной Европы? Отличий можно насчитать множество, но главное, принципиальное – это ее религиозная основа. В идеале царь – не только верховный правитель, но и предстоятель за свою страну перед Богом, отвечающий за нее собственной душой. Иначе говоря, царская власть – это власть при поддержке Бога. Или богов. Нечто подобное имело место в Японии – император, чей род официально происходил от богини Аматаэра-су, являлся посредником между страной и ее богами-покровителями. Когда после поражения Японии во Второй мировой войне император Хирохито публично отрекся от своего божественного происхождения, народ пришел в ужас – это означало, что от Японии, в свою очередь, отвернутся ее боги.

А теперь обратимся к изучаемому нами отрезку российской истории и подумаем – а применима ли эта концепция царской власти к Петру Первому?

Иван Данилович говорил монотонным, усыпляющим голосом, задумчиво глядя поверх голов. Казалось, он разговаривает сам с собой. Однако ученики напряженно записывали. Все знали, что ни в каком учебнике этого не найдешь, а на четвертных и годовых контрольных будет спрошено по полной программе.

– Безусловно, идея служения государству лежала в основе всей деятельности Петра... Однако складывается впечатление, что под государством царь Петр подразумевал лично себя. Несмотря на то что мировоззрение царя было безусловно мировоззрением западноевропейского человека, со всем его практицизмом, меркантилизмом и стремлением быть технократом, он буквально понимал выражение «царь-батюшка» и воспринимал своих подданных как неразумных детей, которых надо вразумлять, наставлять и наказывать. Как любые дети, права на собственное мнение подданные не имели. Полагая себя единственным носителем истины: «Только я знаю, что нужно народу», – Петр карал недовольных и перекраивал государство по своему вкусу, убежденный, что действует ему на благо. С этой точки зрения он был воистину отцом государства. Но никто не будет спорить – он был жестоким отцом. А что касается религиозной основы власти – здесь картина еще более противоречивая... Алексей Завьялов!

– А? – Лешка вскинул голову.

– Вы что, уже все записали? Так быстро?

– Я не могу писать, – вывернулся Лешка. – У меня было сотрясение мозга с нарушением зрения. Я потом с кого-нибудь перепишу.

Иван Данилович взглянул на него с сомнением.

– Тогда хотя бы слушайте. Всё, что я сейчас рассказываю, мы так или иначе затрагивали в прошлой четверти. На экзаменах никаких поблажек не будет.

Историк окинул взглядом класс.

– Чувствую, есть необходимость оживить в памяти пройденное. Как насчет небольшой дискуссии по эпохе Петровских реформ?

Все с облегчением отложили ручки и закрыли тетрадки. Класс тихо загудел.

– Тема... М-м, давайте возьмем что-нибудь конкретное. Скажем, основание Петербурга. Нам нужны обвинитель и оппонент. Есть желающие?

Желающих, разумеется, не оказалось.

– Тогда будем назначать. Обвинителем будет... допустим, госпожа Кравченко.

Машенька Кравченко, похожая на игрушечную бизнес-леди, невозмутимо поднялась с места. Тему она знала неплохо, и к тому же, чтобы получить за дискуссию оценку ниже четверки, надо было особенно постараться.

– Защитник – вы, спящий господин Завьялов. Лешка испустил вздох, напоминающий стон.

– Прежде чем приступить, освежим в памяти некоторые события начала восемнадцатого столетия, – заговорил историк. – Главные политические приоритеты?

– Произошла смена направления внешней политики, – быстро ответила Машенька, стрельнув глазами в Завьялова (в классе с начала года ходил слух, что он к ней неравнодушен). – До того Петра больше интересовал выход к Черному морю и ликвидация «Дикого поля», а тут он переключился на Балтийское море и войну со Швецией.

– Почему произошла смена курса? Завьялов?

– Ну...

– Это не ответ. Кравченко?

– Перемена курса произошла после Великого посольства, – лихо доложила Машенька, – Петр отправился в Европу искать союзников в войне с Турцией, а неожиданно для себя нашел союзников в войне со Швецией.

– Кого именно?

– Данию, Польшу... – Машенька смешалась.

– Завьялов, можете назвать причины союза?

– Легко, – сказал Лешка. – Причина в том, что Шведский Карл Двенадцатый вообразил себя Наполеоном и решил завоевать Европу. И Европа по этому поводу занервничала. А тут появляется Петр Первый со своим посольством...

– Все это замечательно, – усмехаясь, прервал его историк, – напомним вам только, что Наполеон жил на сто лет позднее, и, следовательно, Карл Двенадцатый себя вообразить им не мог. Итак, союз был заключен. Что дальше?

– Россия вступила в Северную войну.

– Погодите, – Иван Данилович обвел взглядом класс. – Обратим все внимание на один любопытный факт. Когда Россия вступила в войну со Швецией?

– В тысяча семьсот первом году, – ответил кто-то без приглашения.

– А когда основан Петербург? Завьялов?

Лешка, который сел на место и снова приготовился уснуть, встрепенулся.

– Что?

– Вы помните, в каком году основан Петербург? – с издевательской вежливостью повторил историк. Лешка обиделся.

– Нет, забыл, – грубо ответил он. В классе захихикали.

– Не ругайте его, он под машину попал, – крикнули с задних парт.

– Я не знал, что сотрясение мозга провоцирует угасание интеллекта, – холодно сказал учитель, отворачиваясь от Леши. – Итак, все мы знаем, что Петербург был основан в тысяча семьсот третьем году, через два года после вступления в войну. Война закончилась спустя почти двадцать лет. По Ништадтскому миру тысяча семьсот двадцать первого года к России отошли Финляндия, Эстляндия, Лифляндия и Ингерманландия, то есть в том числе те самые земли, на которых стоял Петербург. О чем это нам говорит?

– Что Петербург был основан на вражеской территории, – буркнул Лешка. – Ну и что?

– В тысяча семьсот десятых годах, – сказал учитель, – в Петербург переехал двор, администрация и дипломатические корпуса. То есть столица России фактически была перенесена в город, территориально расположенный в чужом государстве. Что по этому поводу скажет обвинитель? Мария Кравченко?

– Это была авантюра!

– Защитник, ваше слово.

– Это была государственная необходимость, – выродил Лешка. – Надо было закрепиться на невских берегах. И вообще, «окно в Европу» и все такое.

– «И все такое» как аргумент не принимается.

– Ладно, ладно. Выход к морю.

– Об этом уже упоминалось. Чтобы обеспечить выход к морю, не нужно было переносить в Петербург столицу.

Лешка пожал плечами. Ему было лень думать.

– Эта идея – перенести столицу в Петербург – была крайне непопулярна в стране, – продолжал историк. – Да и сам наш любимый город Петербург ничего, кроме негативных эмоций, в народе не пробуждал. И это естественно. Искусственное прививание к русской среде иноземной культуры привело ко многим уродливым явлениям... И Петербург по праву считается одним из них.

– Петербург – один из красивейших городов Европы! – возмутилась Машенька, забыв о своей роли обвинителя. – Я там была, могу подтвердить! В смысле, в Европе!

Иван Данилович покивал.

– Поймите меня правильно. Наш Петербург – это типичный город-утопия. Одна из немногих утопий, воплощенных на земле. Он воплотил в себе суть идеологических иска-

ний Петра. Вопрос в том, что представляет собой личность царя Петра, с чего мы и начали наш урок. В зависимости от этого Петербург – либо зримое выражение петровского гения, воплощение его заветных мечтаний... либо, как считают многие, его патологическая галлюцинация.

Учитель прошел к доске, взял мелок и расчертил доску на две половины. Класс тут же притих и начал срисовывать.

– Давайте попробуем проанализировать, насколько оправдано возникновение нашего города на этом месте в это время. Географически... – Учитель нарисовал цифру «один».

– О том, что выгодное географическое положение нашего города – это главная причина его возникновения, мы уже говорили. Теперь еще момент. Мы уже упомянули о том, что город был основан на землях, в то время принадлежавших Швеции. Но ведь до Петербурга здесь что-то было? Завьялов?

– Ничего.

– Как, совсем?

– Ну, может, какие-нибудь чухонцы.

Иван Данилович вздохнул.

– Спасский погост Водской пятины Новгородской земли, которая отошла по Столбовскому миру к Швеции и стала называться Ингерманландией. Что это значит?

Никто не ответил. Учитель скептически скривил губы.

– Это материал прошлого года, и вы, разумеется, все забыли. Это означает, что Петр вернул России ее исконные земли. Так? Замечательно – в эту графу ставим плюсики. Далее, – учитель написал «двойку». – Климатически...

Все издали дружный гул отвращения.

– Безусловно, ставим минус. В Петербурге объективно худший климат в Европе. Сырая зима, холодное лето, мало солнечных дней, много осадков – и становится все больше по мере глобального потепления. Кроме того – наводнения. При ветре со стороны Финского залива вода в Неве поднималась прежде на высоту до четырех метров и более. Самое опустошительное наводнение описано в известной вам поэме «Медный всадник»...

Лешка давно уже сидел, вернее, полулежал за партой и, зевая, смотрел, как за окном заканчивается, едва начавшись, короткий ноябрьский день. «Как это угораздило меня родиться в такой гнусной местности?» – подумал он.

– ...Экономически, – доносились до него слова учителя. – Тут нельзя сказать однозначно. С одной стороны, Петербург задумывался – и реализовался – как крупнейший экономический центр страны. Но какой ценой? Не будем забывать, что при Петре население страны значительно сократилось, и не в последнюю очередь из-за строительства Петербурга. Все мы слышали выражение «город, стоящий на костях»... Колоссальное жертвоприношение государственности... Что? Знак вопроса? Или все-таки плюсики? Теперь рассмотрим политически...

Убаюканный голосом учителя, Лешка чуть на самом деле не задремал. Разбудил его звук собственного имени.

– А теперь Алексей Завьялов подведет итоги по нашей таблице.

Лешка медленно встал, зевнул и тупо уставился на исчерпанную доску, усеянную какими-то значками, плюсами и минусами.

– Я весь внимание, – супервежливо произнес Учитель.

«Разозлился, – по его тону понял Лешка. – Сейчас „пару“ вкатает».

Славка, сосед по парте, раскрыл на коленях учебник и начал что-то шептать.

– Основание Петербурга... послужило отправной точкой... – неуверенно повторил за ним Лешка.

Иван Данилович подошел и отобрал учебник.

– Меня не интересует мнение автора учебника по этому поводу, – ледяным голосом произнес он. – Меня интересуют ваши выводы. Я хочу, чтобы мои ученики научились думать самостоятельно! А не повторяли, как попугаи, то, что для них сочиняют более умные люди!

«Иными словами, я дурак», – мысленно перевел Лешка.

В классе подобострастно захихикали. Лешка разозлился. Ах, историк хочет услышать его собственные соображения? Ладно, он их услышит!

– Все не так, – громко заявил Лешка. – Вы хотите, чтобы мы, с вашими подсказками и наводящими вопросами, самостоятельно приходили к задуманным вами выводам. И считали, как дураки, что додумались до этого сами. Думаете, у меня не хватает ума это заметить? Это такое же манипулирование сознанием, как реклама!

В классе воцарилась ошеломленная тишина. Иван Данилович воззрился на Лешу, как на заговорившую парту.

– Может быть, тогда вы изложите свою независимую, самостоятельную точку зрения по заданному мной вопросу? – вкрадчиво спросил он.

– Легко! – Лешка оглянулся по сторонам, убедился, что его внимательно слушают, и начал:

– Вы хотите, чтобы я сказал что-нибудь в таком духе – конечно, в основании Петербурга были свои позитивные и свои негативные стороны, и, – он процитировал любимую фразу учителя, – «истина лежит как всегда, где-то посередине»! А я вам скажу, как на самом деле.

– Извольте.

– Вся эта таблица – пустой треп! Для государства выгодно все, что делает его сильнее и богаче. Значит, все Петровские реформы, в том числе и основание Петербурга, надо анализировать именно с этой точки зрения!

– Государственное благо – это абстракция, – заметил учитель. – В отличие от общественного блага. Ибо общество – это совокупность конкретных людей. Меня, вас...

– Ничего подобного!

– Как это? – Иван Данилович поднял брови домиком.

– Государство и народ – это одно и то же!

– М-да? Ну-ка, дайте мне определение государства.

– Государство – это страна, в которой живет народ, – не моргнув глазом, заявил Лешка.

В классе снова захихикали. Учитель презрительно улыбнулся.

– За такое определение я бы поставил вам «два», будь вы даже первоклассником.

– А что я не так сказал? – возмутился Лешка. – Если страна сильная и богатая, то и людям в ней хорошо. Поэтому благо государства и общества – это одно и то же.

Историк задумался, но в итоге одобрительно кивнул.

– Вижу попытки мыслить логически. Продолжайте, это интересно.

– Следовательно, – продолжал окрыленный Лешка, – с точки зрения блага государства Петербург основывать было надо. Конечно, без отдельных жертв было не обойтись. Но при строительстве империй жертвы не имеют значения!

Вообще-то, он сам так не считал. Точнее, никогда прежде об этом не думал. Что-то похожее однажды высказывал папа. И Лешка не видел, почему бы ему не выдать папины идеи за свои. Кроме того, как-то так случилось, что в итоге папа почти всегда оказывался прав.

– По приказу императора Цинь Шихуана, первого объединителя древнего Китая, было начато возведение Великой Китайской стены, чтобы защититься от набегов варваров-кочевников с севера. Каждые сто шагов в стену замуровывали человека, – сказал учитель. – Это считалось строительной жертвой, чтобы боги хранили стену и, соответственно, империю. Вы полагаете, это тоже правильно?

– Так стена-то до сих пор стоит, – подумав, выдал Лешка под одобрительные смешки приятелей. – Даже из космоса видна. Значит, подействовало.

– А как насчет гитлеровской Германии? – не отставал историк. – Гитлер ведь тоже строил империю...

– Да я же не призываю – давайте всех мочить! – защищался Лешка. – Просто это жизнь. Вот вы спрашиваете – было ли основание Петербурга благом для государства? А, между прочим, для тех, кто управляет государством, отдельные люди вообще не имеют значения. И это, к сожалению, норма жизни!

– Вы так думаете? – сухо спросил учитель.

– Я знаю, – буркнул Лешка. – Что я, сам не вижу, что ли?

На самом деле это тоже говорил папа. Папа любил покомментировать то, что видел в новостях. Выглядело это так, что, только дайте папе абсолютную власть да один день, как он тут же наведет в стране порядок. А за два дня – так и во всем мире. Иван Данилович помрачнел. Он явно собирался продолжить дискуссию, но тут в коридоре затрещал звонок. Все тут же загалдели и начали шумно собираться на выход.

– Вот я смотрю на вас, и мне страшно, – сказал Иван Данилович лично Леше. – Страшно подумать, что из вас вырастет, если в свои годы вы так циничны. А через двадцать лет люди вашего поколения будут управлять Россией. Впрочем, ваш эпатаж – это возрастное... Во всяком случае, я на это надеюсь.

Лешка пожал плечами.

– Я просто говорю то, что думаю.

– Это-то и страшно. Урок окончен, – чуть громче, чем всегда, сказал Иван Данилович, отходя к столу. Впрочем, в шуме его все равно никто не услышал.

– А вы, Завьялов, давайте дневник. Ваши логические упражнения нужно оценить по достоинству...

Глава 8

Сигнал, который ни с чем не спутаешь

«Ну историк, ну прикопался! Ему ж сказали по-человечески, что у меня сотрясение, так зачем цепляться? Гуманист фигов... Страшно ему, видите ли, за человечество...» На самом деле Лешка чувствовал себя скорее польщенным – его же отнесли к тем, кто будет править Россией. И «пару» не поставил, кстати – расщедрился аж на четверку.

«Надо же, совсем стемнело!» – отметил Лешка выходя в коридор. Несмотря на то что было самое начало четвертого, в школе уже горел свет, и на фоне белых гардин небо казалось черным, как ночью. Лешка облокотился на подоконник, выглянул в окно.

«Погодка, блин... Второй день ветер с залива. Худший климат в Европе! Наверно, еще и наводнение будет...»

Лешка представил, как будет сейчас под ледяным дождем торчать на остановке, и настроение у него совсем испортилось. Снаружи вдруг послышался дробный сухой стук. Ну вот, там начался еще и град. Крупные градины разбивались о стекло, оставляя прозрачные кляксы. Стекло содрогнулось от порыва ветра.

Гимназисты, заметив, что творится на улице, не торопились в раздевалку. Они столпились у окон, громко обсуждая неожиданный погодный катаклизм. В коридоре воцарилось странное веселье. Казалось бы, всем понятно, что ничего хорошего в ноябрьской буре нет, а все равно приятно и любопытно понаблюдать, как ветер гнет ветки, срывая последние листья, раскачивает рекламные щиты, а прохожие разбегаются кто куда в поисках ближайшей крыши и теснятся по десять человек под каким-нибудь козырьком у парадной. Приятно, разумеется, когда сам сидишь в тепле и безопасности.

Градины превратились в хлопья мокрого снега, который падал тяжело и стремительно и таял, не долетая до земли. Лешка подумал, что самый пик бури уже прошел, и шагнул от окна.

Но не успел он сделать и трех шагов, как снаружи грохнуло, как из пушки. Мигнули лампы, кто-то из девчонок взвизгнул, за окном на разные голоса заорали сигнализации автомобилей. Лешка, похолодев, застыл на месте. «Взрыв! – первым делом подумал он. – Теракт!»

Но ничего не случилось. В коридоре на миг стало тихо. Потом все хором затараторили:

– Ну ни фиги себе!

– Люди, может, нас бомбят?

Кто-то нервно хихикнул.

– Третья мировая началась!

Лешкино сердце тревожно сжалось. Он приник к окну. И тут в небе полыхнуло. Облака словно вспыхнули изнутри. Небо распоролла ослепительная белая молния.

На какую-то долю секунды все в школьном коридоре приобрело мертвенно-синеватый оттенок. Откуда-то из облаков снова пришел гром, на этот раз мягче и как будто издалека.

– Вы видели?! Молния!

– Это же гроза! – воскликнул кто-то.

Лешка испытал невольное облегчение, сменившееся безграничным изумлением перед выкрутасами питерской природы. Это же надо – гроза в ноябре! Натуральное чудо, почище чем снег в июне. Хотя снег-то в июне как раз периодически выпадает...

Прошло несколько минут. Ни гром, ни молния больше не повторились. Только снег летел за окном, да и тот, кажется, понемногу прекращался. Народ, возбужденно переговариваясь, потянулся в раздевалку.

– А может, это была высадка инопланетян? – Раздался чей-то насмешливый голос за Лешкиной спиной.

Лешка хмыкнул. Нет, в самом деле, эта гроза какая-то неестественная. Мало того что не сезон, так еще и молния один раз ударила, и все тут же прошло. Как по заказу...

Тут Лешка остановился и впал в ступор, потому что ему кое-что вспомнилось. А именно – некий эпизод из его собственных приключений, которые тоже естественными назвать никак было нельзя. Разговор безымянного «бандита» и целителя Виктора. «– Куда мне приходить?

– Мы сами за тобой заедем.

– Когда?

– Шеф подаст сигнал. Световой сигнал, который ты ни с чем не спутаешь. Который невозможно не заметить...»

«Может, это и был сигнал?» – сам себе не веря, подумал Лешка.

А почему бы, собственно, и нет? Ведь все совпадает!

«Это же колдовство! – подумал он, замирая от жутки и восторга. – Так я и думал! Сянь был колдун, и его враги – тоже колдуны!»

Лешка вдруг сообразил, что если это действительно был тот самый сигнал, и Виктор тоже его видел, то сейчас он направляется на назначенное место. И что он, Лешка, получил шанс проверить свою догадку, и, если она верна, – встретиться со своим спасителем еще раз, на что он, честно говоря, уже перестал надеяться. И, может быть, даже чем-то ему помочь. Так сказать, отдать долг. Где бандит назначил место встречи? Лешка вдруг разволновался так, как будто на свете не было ничего важнее ответа на этот вопрос. «Мы сами за тобой заедем...»

«Приходи к Жертвеннику!» – наконец вспомнил он. Это значит – к тому месту, где его сбита машина. Прямо напротив его дома в Озерках!

«Я поеду прямо сейчас, – решил Лешка. – В принципе, мне все равно в ту сторону. Просто проверю, будет он там или нет. И если он придет...»

Лешка бегом рванул в сторону лестницы, ведущей на первый этаж. Он, впрочем, еще не знал, что будет делать, если действительно встретит на перекрестке целителя.

От гимназии до дома ехать было две остановки – недолго, если только сразу придет трамвай. Лешка пробежал это расстояние за десять минут. Снег все еще падал, постепенно превращаясь в дождь. Лешка подумал, что это обстоятельство ему на руку. Не доходя до остановки метров сто, он сбавил темп, сделал небольшой крюк и подошел к перекрестку со стороны метро. У метро бурлила обычная вечерняя толкотня. Людской поток, разбиваясь на два рукава, тек к трамвайной остановке и к кольцу маршруток. Мелькали черные тени, от ларьков неслась музыка. Автомобили слепили фарами и поднимали фонтаны жидкой грязи. В принципе, в таких условиях можно было и не прятаться. «И вообще, – подумал Лешка, подкрадываясь к остановке, – может, его уже забрали. А скорее всего, здесь никого и нет».

Лешка осторожно выглянул из-за рекламного щита на остановке, и его бросило в жар: в пяти шагах от него стоял Виктор.

Сянь стоял у самого поребрика и вглядывался в поток машин. Он был в куртке, но без шапки, на его темных волосах, как седина, лежал и не таял снег. Лицо у него было мрачное и строгое, губы плотно сжаты. Лешка выждал несколько секунд, не увидел нигде поблизости черного «инфинити», вышел из-за Щита и подергал бородача за рукав.

Сянь оглянулся с легким недоумением.

– Здравствуйте, Виктор, – с достоинством сказал Лешка, протягивая руку.

Бородач присмотрелся и вздрогнул. На его лице промелькнуло смятение, которое, впрочем, тут же исчезло.

– Леха?! Ну здравствуй. Извини, сразу не узнал. Как голова?

– Спасибо, в порядке. Как вы сказали, так и случилось – все прошло за месяц. Вот, сегодня в школу первый день пошел. Все каникулы, блин, в постели провалялся. А я вас так и не поблагодарил...

Лешка так и лущился от радости. Ему было приятно снова встретить целителя и еще приятнее осознавать, что он так ловко распознал колдовской сигнал. А главное – что все это ему не примерещилось и не приснилось.

– Слушай, Алексей, – перебил его Виктор. – В другой раз я бы с тобой с удовольствием поболтал, но сейчас я немного занят. Сейчас должны подъехать люди...

– Люди, как же, – понимающе покивал Лешка. – Знаем мы таких людей, которые грозы вызывают.

– Что?! – изумился Виктор. – Ты о чем, мой милый?

– Вы что, думаете, я тут случайно мимо проходил? – с вызовом произнес Лешка. – У меня память не отшибло, я все помню. И про сигнал, и про выкуп.

Сянь почесал в затылке, с тревогой оглянулся на поток машин.

– А раз ты все помнишь, так уходи отсюда немедленно.

– Еще чего, – уперся Лешка. – Хотя я и не совсем понимаю, в чем тут дело, но я вам обязан жизнью, и поэтому...

– Только тебя здесь не хватало!

– Я, между прочим, хочу предложить вам помощь, – обидчиво сказал Лешка.

Всю приветливость Виктора как ветром сдуло.

– Да чем ты мне поможешь, мальчишка! – зашипел он, снова оглядываясь. – Ты даже себе помочь не можешь! Я и так из-за тебя по горло в проблемах, а ты делаешь все, чтобы усложнить ситуацию. Ну зачем ты сюда притащился? Я же тебе сказал – больше на этот перекресток ни ногой! Хочешь, чтобы тебя забрали вместе со мной? Ты даже не представляешь, с кем связался!

– Так вы мне расскажите, – не отставал Лешка. – Если это бандиты, тогда можно что-нибудь предпринять. У меня папа с возможностями... у него и в ФСБ знакомые есть. Я его попрошу, он позвонит кому надо, там выяснят, кто это, и обломают их по полной...

Сянь слушал Лешину речь с нетерпением и досадой.

– Бред! Твой папа, при всем уважении, постороннему человеку помогать никогда не станет. И вообще...

– И вообще, может, вы их напрасно боитесь. Мафия не всесильна, – наставляющим тоном продолжал Лешка. – А папе я скажу, что вы мне помогли тогда на перекрестке, а теперь на вас наехали какие-то бандиты. Папины друзья из ФСБ вас прикроют...

Сянь застонал.

– Всё, хватит! Говори кому хочешь и что хочешь, только убирайся отсюда!

– Ну как хотите, – буркнул Лешка, обиженный упрямством и трусостью целителя. – Все, что мог, я сделал.

– Я тебе очень благодарен, а теперь ступай! Лешка развернулся и направился к метро. Однако, отойдя метров на двадцать от перекрестка, вернулся обратно и спрятался на своем прежнем месте за рекламным щитом. Оттуда отлично просматривался весь перекресток. Но целителя на нем уже не было.

«Черт, упустил! – разочарованно подумал Лешка. – Стоило отойти на полминуты...»

– Почему ты еще здесь, дубина?! – рявкнули прямо над ухом.

Леша подпрыгнул, развернулся и увидел за спиной злющего Виктора.

– А... а я думал, что вас уже забрали...

– Какого дьявола ты не уходишь?

– Я подожду, пока приедут ваши бандиты.

– Зачем они тебе?!

– Да так... Ну ладно, скажу. Я хочу записать номер их машины. Папиным друзьям из ФСБ будет потом легче работать. Просто пробьют по базе данных...

Сянь схватил Лешу за плечи, свирепо встряхнул, потом отпустил. На его лице проступила покорность судьбе.

– Ладно, – устало произнес он уже без гнева. – Пошли отсюда.

– Так вы решили их не ждать? – обрадованно воскликнул Лешка. – И правильно! Пошлите подальше этих отморожков! Я как раз хотел вам предложить...

– Они уже близко, – тихо произнес Виктор. Что-то было в его тоне, от чего Лешка мгновенно заткнулся. Быстрым шагом они вдвоем покинули остановку и затерялись в толпе у метро.

Через полминуты после их ухода напротив остановки затормозил черный джип.

Глава 9

Как Ники наконец вспомнила песню, и что из этого вышло

– Я тебе, Люда, тысячу раз говорила – в этот суп лавровый лист не добавляют! Взрослая ведь женщина, пора бы и готовить самой научиться, а как была безрукой, так и осталась...

Ники, как раз входившая в прихожую, чуть не выскочила обратно на лестничную площадку. Приехала бабушка. Как всегда, не вовремя. Вовремя она только уезжала. Ники тяжело вздохнула, прикрыла за собой дверь и принялась медленно развязывать шнурки. В воздухе висел особый «бабушкин» запах гнилой ветоши, который не выветривался потом часами.

– Вероничка, ты? – В дверях кухни появилась мама. – Хлеба купила?

– Купила, – хмуро ответила Ники. В присутствии бабушки мама становилась какой-то пришибленной, как будто уменьшалась ростом. Она даже говорила тише и печальнее.

– Беги поздоровайся с бабушкой.

– Уже побежала, – буркнула под нос Ники. – Поскакала.

– Небось не торопится, – тут же донесся с кухни язвительный голос. – Никакого уважения к старшим...

Ники точно не знала, кем бабушка была до пенсии, – не иначе как завучем. Строгая властная старуха, худая, с крашенными в пепельно-русый цвет волосами, с железным здоровьем и привычкой мотать нервы родственникам. Ники все время мерещилась на ней военная форма. Чем жила бабушка на пенсии, Ники тоже не знала. Сериалов она не смотрела и вообще к телевидению относилась с брезгливым презрением, женских детективов, как и других книг, не читала, к религии была глубоко равнодушна. Бабкиной религией был порядок в самом широком смысле слова. Порядком являлось то, что бабушка считала «по жизни правильным». Все остальное подлежало осуждению и искоренению.

В жизни Ники и ее матери неправильным, по мнению бабушки, было все. Коренная, изначальная ущербность была в том, что Ники росла без отца. А мать, которой, как говаривала бабушка, нельзя было доверить и кошку, окончательно испортила дочь неправильным воспитанием. И если бы не ее, бабкины, мудрые наставления, то семью Покрышкиных давно бы уже постиг полный крах.

Ники прошла в кухню, угрюмо поздоровалась, с ходу сунулась в кастрюлю. И тут ее ждало разочарование – там булькала какая-то странная жижа с желтыми кусочками, и запах у нее был такой же гнилостный и чуждый, как и у всего, что исходило от бабки.

– Бабушка принесла овощное рагу, – объяснила мама. – Очень вкусное.

– Хоть поедите по-человечески, – покровительственно заметила бабка. – Вечно, как сюда ни приедешь, у вас в холодильнике хоть шаром покати.

– Я не буду ужинать, – сердито сказала Ники.

Мама страдальчески заломила брови.

– Как это – не будет? – всполошилась бабка. – Что значит «не будет»?! Я не знаю такого слова! Велено есть, значит, ешь!

– А я не хочу есть эту смесь! – уперлась Ники. – Это какая-то грязь из болота!

Мама испуганно взглянула на Ники, безмолвно призывая опомниться. Сама она никогда не противоречила бабушке. Безропотно со всем соглашалась. А когда бабка уезжала восвояси, делала все по-своему.

Ники лицемерить не умела и учиться этому не собиралась. На нее опять накатила приступ нелепого упрямства. Впрочем, протест зрел уже давно. Времена, когда Ники искренне страдала от своей хронической неправильности и старалась быть «хорошей девочкой», давно миновали.

– Я сказала – ешь!

– Ешьте сами! Пахнет, словно там лягушка сдохла!

Бабка побагровела.

– Вот, полюбуйся! – завела она, обращаясь к матери Ники, как будто самой Ники здесь и не было. – Готовь тут, вези через весь город для единственной внучки, а она еще и нос воротит! Плоды уличного воспитания! Безотцовщина! Она колонией для несовершеннолетних кончит, помяни мое слово!

Ники подмывало выскочить из кухни, треснув дверью так, чтобы с потолка осыпалась вся краска. Но она молча слушала брань и не уходила. Ей казалось нечестным оставлять маму один на один с разбушевавшейся бабкой.

– Вероника, извинись, вымой руки и садись ужинать, – устало сказала мама.

– Ишь, стоит, зыркает! – разорялась бабка. – Патлы во все стороны! Вылитый беспризорник! Хамкой родилась, хамкой и помрет!

Бабушка считала, что девочке положено ходить с аккуратной строгой косой на прямой пробор. Самовольной стрижки она внучке так и не простила.

– Я еще короче подстригусь, – мстительно улыбаясь, заявила Ники. – Побреюсь под машинку на-лысо. А на голом черепе сделаю татуировку «скорпион».

– Делай! Изуродуй себя совсем! Боже ты мой, что за дом такой! Ноги моей здесь не будет! «Хорошо-то как!» – чуть не сказала Ники, но наткнулась на сердитый взгляд матери.

– Вероника, выйди вон!

Ники повела плечами и гордо удалилась в комнату. За спиной раздавались причитания бабки:

– Сколько лет я с вами мучаюсь! Господи, как вы мне надоели обе!

Мама что-то тихо и быстро говорила.

– Бот так вся жизнь и пройдет, – плакалась бабушка. Теперь она решила пожалеть себя. – Сколько сил я вам отдаю! Все здоровье на вас потратила! Выпили вы мою кровушку, окаянные, неблагодарные!

Мама уговаривала, успокаивала. Но бабка обиделась всерьез. Теперь вопли разносились из прихожей. И мамин голос, непривычно настойчивый. Ники подкралась к двери и услышала:

– ...Чего ты добиваешься?! Чтобы она из дому сбежала? Ты что, не видишь, как она на тебя смотрит? Я тебе не препятствую, но иногда просто не понимаю...

Ого, это что-то новое, удивилась Ники. Мама меня, оказывается, защищает? Она прислушалась, но расслышала только бабушкино шипение:

– Что? Поучить меня захотела? Смотри, а то тебя так поучат!

Мама проговорила что-то неразборчиво. И бабкино рявканье:

– Знай свое место, Людка, и не высывайся! Вам обеим хуже будет!

Хлопнула дверь. В комнату вошла мама.

– Уехала? – радостно спросила Ники. – Ура!

– Постыдилась бы, бессовестная! – неожиданно резко отреагировала мама. Как будто и не уговаривала только что бабку прекратить тиранство. У нее было измученное, расстроенное лицо. Ники стало ее ужасно жалко.

– А давай больше ее на порог не пустим! – предложила она. – Проклятая бабка! Одни неприятности от нее! Вечно прикатится, обхает нас, во все углы залезет, все перероеет, как тюремщик какой-то!

Мама вздрогнула, и к ней снова вернулся ее обычный покорный, испуганный вид.

– Ты пойми, – тихо произнесла она, – она старый, одинокий, больной человек...

– Это бабка-то больная?! Ха! Да она в сто раз здоровее тебя!

– Мы у нее единственные близкие люди...

Ники слушала и не ощущала в мамином голосе искренности. Ей казалось, что мама говорит это по обязанности.

– Она по-своему о нас заботится...

– Мама, она нас не любит!

– Как ты можешь такое говорить! – ужаснулась мама. – Ты же у нее любимая внучка...

– Мама, она меня не любит. Она и тебя не любит. Она вообще никого не любит... кроме себя!

Ники выпалила эти жестокие слова и вдруг осознала, что так оно и есть. Мамино лицо пошло красными пятнами.

– Как не стыдно! – возмущенно воскликнула она. – Слышать тебя не желаю! Ох, что за дочь у меня, сущее наказание! У всех дети как дети, только у меня...

– Ты ее тоже не любишь! – перебила мать Ники. – Ты ее боишься! Ты всех боишься! И бабки, и Толика, и вообще!

Мама вылетела из гостиной, хлопнув дверью почище бабки, – как только стекло в двери не разбилось.

– Ага, правда глаза колет! – проорала ей вслед Ники, бросилась в свою комнату и заперлась там.

Закрыв дверь на защелку (сама привинтила на четыре надежных шурупа в прошлом году), Ники упала на тахту и вытянулась, закинув руки за голову. Душе у нее все клокотало. Со стенки на нее глядел густо накрашенными глазами финский рокер из группы НІМ, заморенный нордический красавец; стоит один-одинешенек в черном пальто посреди заснеженной тундры, а над головой у него ослепительное холодное финское солнце. Ники он мистическим образом напоминал Рэндома, несмотря на полное отсутствие внешнего сходства. Она несколько минут рассматривала знакомый до мельчайших деталей плакат, пока не почувствовала, что ярость постепенно унимается. В соседней комнате бормотал телик, на кухне мама сердито гремела кастрюлями. «Ну ее к черту, эту бабку! – злобно подумала Ники. – Мама права – хватит с ней ругаться. Я с ней вообще разговаривать больше не буду. В следующий раз приедет, начнет на мозги капать, а я на нее посмотрю как на пустое место – и она сразу заткнется...»

Нет, ну что за жизнь пошла! Нигде покоя нет – ни дома, ни в школе, на улице педофилы нападают, а теперь еще и бабка совсем одичала! Может, уйти из дому? А куда? Не на улицу же! Или в студии у Нафани поселиться? А что, там трамвайная печка и чайник, размечталась Ники. Положить на пол матрас – и жить-поживать. И никто не воспитывает, в магазин не гоняет, уроки делать не заставляет... Сказка, а не жизнь. Вот только по ночам на Леннаучфильме, наверно, страшно...

Ники провалялась на тахте минут десять, строя разнообразные планы на жизнь, пока не поймала себя на том, что снова пытается напеть ту мелодию, которую слышала в подвале.

«Вот ведь привязалась!» – удивилась она. Как радио – играет себе тихонько где-то в области затылка, слов не разобрать, мелодию едва слышно сквозь помехи, а не выключишь. Ники глянула на часы – половина одиннадцатого. Спать пока не хотелось. Делать домашнее задание – тем более. Выйти, что ли, из комнаты, с мамой помириться? «Ни за что! – гордо подумала Ники. – Пусть первая приходит, если ей надо. А я, так уж и быть, ее прошу». Но прошло уже почти полчаса, а мама не торопилась. Ники заскучала. Она встала, открыла окно и высунулась на улицу. Снег, что выпал вчера и позавчера, уже растаял, и за окном снова была сырая холодная темнота. Напротив, через двор, весело светились окна соседнего дома. Растущий за окном клен скреб по стене черными ветками и шелестел последними листьями.

Ники снова стала без слов напевать ту песню. «Вот была бы гитара, я бы ее быстрее вспомнила, – подумала она. – Подобрала бы аккомпанемент...»

Ники обернулась и посмотрела на платяной шкаф, где под самым потолком виднелся бок клеенчатого гитарного чехла. Подтащив к шкафу кресло, Ники встала на него и осторожно сняла со шкафа гитару, подняв целое облако пыли, и вытащила ее из чехла. Гитара, как будто приветствуя ее, нестройно загудела. Струны были ослаблены, гриф шатался. В мастерской ей сказали, что гитару починить нельзя, но выбросить ее у Ники рука не поднималась.

Ники села на табуретку перед окном, положила гитару на колени и принялась едва слышно напевать ту мелодию без слов. Слова вертелись на языке, но раз за разом ускользали. Ники чувствовала себя так, будто она идет по болоту: чуть оступилась – и потонешь, а есть только один верный путь, который надо нащупать, почувствовать, найти почти наугад... В окно дунул ветер, забросил на письменный стол горсть снежинок, громко заскребли по стеклу ветви клена, качнулась под полотком люстра – Ники ничего не замечала.

– Кровь, остынь! – неожиданно пропела она в конце музыкальной фразы. – Ой – я же вспомнила слова!

Неожиданно у Ники до боли сдавило горло. Она перестала петь, коснулась горла рукой. В тот же миг, хоть она и не заметила этого, прекратился ветер, и воцарилась тишина.

За окном было непривычно тихо, даже автомобили не шумели на Ланском. Ники вдруг подумалось, что не так уж там и темно. Она перегнулась через подоконник и поглядела вниз, на толстый ковер из гниющих кленовых листьев, пахнувший так остро и кисло, что чувствовалось даже на третьем этаже. Ей вдруг захотелось упасть в них, зарыться и заснуть... до весны. Ники почувствовала, что и вправду вот-вот уснет. Она отступила от окна, но листья как будто не отпускали ее. «Там кто-то есть, – преодолевая дрему, подумала она. – Под листьями. Под землей...»

В это мгновение Ники почувствовала на верхней губе что-то горячее. Она провела пальцами по губам, поглядела на руку и увидела, что у нее из носа идет кровь. И не просто идет, а течет, как из крана. Песня раз за разом повторялась у нее в мозгу, гремела в ушах, все громче и громче, и Ники не могла заставить ее замолкнуть. Где-то внутри мозга возникла мерзкая щекотка. Щекотка быстро охватила весь мозг и сползла в горло. Глаза Ники заволокло каким-то густым красным паром. Ники зашлась в кашле, отхаркнула сгусток крови, поглядела на него бессмысленным взглядом и уронила гитару на пол. Гитара испустила тоскливый стон, как плакальщик-привидение. Ники замертво упала на пол рядом с ней.

Глава 10

Незнакомец в грязных ботинках

Красный горячий пар клубится, слепит, не дает вздохнуть. Огромная душевая, узкая и длинная, уходит в бесконечность. Свет в душевой не горит – должно быть, охранница решила, что все уже ушли, и выключила его. Только красноватая полоска света с трудом пробивается из раздевалки. Из-за этого света кажется, что из кранов льется не вода, а кровь, и весь кафель – и пол, и стены – залит ею. Красный постепенно переходит в бурый и гаснет в темноте. Потолок невидим во мраке. Голая Ники стоит и смотрит, как откуда-то сверху, из темноты, низвергается горячий водопад. Как же ей тут страшно и противно, в этом сыром, жарком, темно-багровом аду.

Из душа хлещет горячая вода. Ники переминается с ноги на ногу рядом с кабинкой. Она еще не Ники, а просто Вероничка, ей шесть лет. Ники смотрит на вентили. Их два. К одному идет белая труба, покрытая крупными каплями, словно потом. К другому – красная. Ники на расстоянии чувствует, как раскалилась красная труба, а вместе с ней и вентиль, перекрывающий воду в душе. Она торчит тут одна уже, наверно, полчаса. Все девочки давно ушли по домам. И ей нельзя уходить, пока она не выключит воду. Если она это не сделает, в следующий раз ее накажут. Спросят – кто последний ушел из душевой? Опять ты, Покрышкина?

– Почему я? – бормочет Ники, глотая слезы. – Почему каждый день я?

И мама опять накричит – почему, дескать, так долго копаешься? Все девочки давным-давно вышли, одна ты возишься. А мама устала после работы, ей домой хочется. Она же не знает, что Ники должна выключать этот проклятый душ. Девочки хором сказали – душ пусть выключает эта. И ушли.

Ники боится душа. Собственно, другие девочки боятся его не меньше. Надо быстро-быстро, обжигаясь, завернуть вентиль и выскочить, пока тебе на голову не полилась ледяная вода. Или, на выбор, – кипятком. Ошпариться в этом душе – как нечего делать. Но тренерша сказала: перед плаванием и после – обязательно в душ. А выключать его будете по очереди. Но никакой очереди не было. Каждый день была очередь Ники.

Пытаясь увернуться от этой повинности, Ники вообще перестала ходить в душ, за что, кстати, ей уже пару раз попало от тренерши. Но девочки сказали – все равно выключать будешь ты.

«Почему они так со мной поступают? – в сотый раз думает Ники, тоскливо глядя на низвергавшуюся из темноты багровую воду. – Почему они меня так ненавидят?»

О том, что девочки ее ненавидят, Ники узнала относительно недавно. До истории с душем она об этом не задумывалась. Не обращала внимания, что с ней почти никто не разговаривает. «Убери свою сумку», «Подвинься, расселась», «Это не твое место» – это ведь не общение. Хотя нет, был один случай: однажды на свой день рождения одна девочка принесла коробку конфет. Все подходили и брали, сколько хотели. Та девочка стояла, держа перед собой коробку, и приговаривала: «Берите, берите, тут еще много». Ники тоже простодушно подошла и протянула руку. Девочка тут же отдернула коробку и злобно бросила: «А тебя не приглашали». Почему? Ники все пыталась понять и не понимала. Никому она ничего плохого не делала. Не могло же, в самом деле, в одной группе по плаванию собраться пятнадцать самых злых в городе девочек?

Ники смотрит на вентиль и думает: «Останусь тут навсегда. Буду стоять возле душа, пока не умру». По щекам Ники сползают горячие слезы, но в воздухе столько брызг, что несколько жалких капель совершенно незаметны.

И тут из влажной, горячей, булькающей темноты кто-то появляется.

При виде выступившего ей навстречу черного силуэта Ники застывает от ужаса. Несмотря на жару в душевой, ее бросает в холодный пот. Не в силах шевельнуться, не пытаясь убежать, она стоит и смотрит на незнакомца.

Теперь можно разглядеть, что это высокий мужчина в строгом костюме и ботинках. Лицо незнакомца скрыто в тени – заметен только странный черный круг посередине лба. Несколько секунд не слышно ничего, кроме плеска и бульканья.

– Что ты здесь делаешь, Вероника? – раздался из тьмы низкий голос пришельца. – Почему не идешь домой?

В голосе незнакомца нет угрозы, скорее жалость.

– Я не могу... – беспомощно лепечет Ники, уткнувшись взглядом в пол. От ботинок мужчины по полу растекаются черные ручьи. Ники думает: если бы она посмела войти в душевую в уличной обуви, страшно представить, что бы с ней сделали.

– Что не можешь? Идти?

– Не могу выключить воду...

С высоты доносится короткий смешок. Впрочем, это незлой смех.

– Иди сюда, девочка. Протяни руку.

Рука Ники тонет в жесткой мужской ладони.

– Смотри, как просто, – говорит незнакомец, рукой Ники прикасаясь к вентилю горячей воды. – Встань с краю. Держишь вентиль с краев, тут не ошпариться. Поворачиваешь слева направо. Теперь точно так же поворачиваешь вентиль холодной воды. Вот и все...

Сток с хлопанием всасывает остатки воды. В душевой становится тихо. Ники вдруг хихикает.

– Да, – соглашается она. – Совсем просто.

– Все запомнила?

– Все.

– Тогда иди домой.

– Спасибо...

Незнакомец проводит рукой по ее волосам, разворачивается и уходит в темноту. После него на кафеле остаются черные следы. Уходящая вода смывает их, оставляя только грязные разводы.

В холле бассейна пусто, гардероб закрыт на замок. Мама сидит с Никиной синтетической шубкой в руках одна-одинешенька.

– Почему так долго? Почему ты каждый раз последняя?!

– А я научилась выключать душ! – радостно объявляет Ники.

– Мать усталая, после работы, должна сидеть тут по полтора часа! Хотя раз не только о себе подумай!

– И ничего сложного: берешь вентиль за краешек и поворачиваешь сначала горячий, а потом холодный! Меня научил один дяденька.

– Какой еще дяденька?

– Не знаю. Он был в душе.

– Хм, очень интересно... Что еще за дяденька в женском душе?

– Он был в ботинках и костюме. Грязи нанес.

– А... Так это, наверно, какой-нибудь тренер был или сторож.

– Нет, это был не тренер! – убежденно заявляет Ники. Откуда-то она точно это знает.

Ее охватывает ужасное волнение. Кажется, она ходит по самому краю, сделай шаг в сторону – и вот она, разгадка.

Мама внимательно смотрит на Ники, и на ее лице появляется тревога.

– Не тренер?

– И не сторож. Я знаю, кто это был! – заявляет Ники. И в тот же миг осознает – да, действительно знает! И с глубокой убежденностью говорит:

– Это был папа!

– Кто? – одними губами спрашивает мама. Ники смотрит ей в лицо, и ее охватывает ужас.

У мамы чужое лицо – бледное, неподвижное, потрясенное. Почти минуту длится невыносимое молчание. Потом Ники не выдерживает и разражается рыданиями.

– Прости меня! Прости! – повторяет она, сама не понимая, что кричит. – Mamочка, прости, пожалуйста!

– Поздно, – чужим голосом отвечает мама. Ники ничего не понимает, но ей так горько и страшно, как никогда прежде. Она плачет, обхватив маму руками, и ей кажется, что действительно происходит что-то непоправимое. Ники рыдает в голос и от собственных рыданий просыпается.

– Mamочка! – закричала Ники, вырываясь из глубин сна.

– Да, Вероничка, я тут.

Ники нашла мамину руку, схватила ее и открыла глаза. Она обнаружила, что лежит на своей тахте, раздетая и под одеялом, как полагается. Но как она туда попала, Ники не помнила. Во рту было солоно, нос слипся от засохшей крови, в голове шумело. На улице по-прежнему было темно. В сумрачной комнате горела настольная лампа. Мама сидела рядом на стуле и смотрела на дочь. Лицо у нее было усталое, заплаканное и в то же время какое-то отстраненное.

– Проснулась, – проговорила мама, как будто обращаясь к кому-то, невидимому для Ники.

– Mamочка, что со мной было? – жалобно спросила Ники. Она чувствовала себя маленькой и несчастной.

– Обморок, – мама поправила одеяло. – Просто обморок.

– Я пела песню – и вдруг упала, – Ники приподнялась на кровати, вспомнив прошлый вечер. – Приехала бабушка... мы поругались...

– Ложись...

– Потом у меня пошла кровь...

Ники шмыгнула носом и с ужасом пробормотала:

– У меня, кажется, что-то с головой!

– Успокойся, Вероничка. Ничего страшного с тобой не случилось. На, выпей.

Ники схватила стакан с кисловатой жидкостью и, не спрашивая, что это такое, вылебала до дна.

– Что тебе приснилось? – поколебавшись, спросила мама. – Помнишь?

– Еще бы! – Ники содрогнулась. – Такая жуть! Помнишь, ты меня в первом классе отдала в бассейн «Динамо»? Так вот, мне приснилось, что я стою в душевой и боюсь выключить душ, и вдруг появляется какой-то человек и помогает мне, такой высокий, в черном костюме и грязных ботинках, и руки у него шершавые, я его раньше не видела, но мне почему-то показалось, что это был мой па...

Ники осеклась на полуслове, увидев, что в маминых глазах мелькнул настоящий ужас – как тогда, во сне.

– Mam, ты в порядке? Это же просто ночной кошмар!

– Все хорошо. – Мама печально улыбнулась и погладила ее по лбу. – Ложись-ка ты спать, Вероничка. Засыпай и забудь все эти сны...

Мамина рука легко гладила лоб Ники, и через несколько секунд девочка почувствовала, что ее мысли путаются, и рассудок погружается в спокойную глубокую дрему без сновидений...

– ...Подожди, – словно издали, донесся знакомый мужской голос. – Мы же ничего не выяснили.

– Это просто сон, – ровным голосом ответила мама.

Сквозь полусомкнутые веки Ники увидела, как из густой тени возле шкафа выступил какой-то человек.

– Нет, не сон, – возразил он. – И ты не хуже меня это знаешь.

– Главное, Вероника считает, что это сон. Оставь ее в покое. Утром она все забудет.

– Надо выяснить, как она попала в Нижний мир!

– Это случайность, – после долгой паузы ответила мама. – Разве ты не видишь, что она сама ничего не поняла?

– Мне за такие случайности голову снимут, – проворчал ночной гость.

Ники с изумлением узнала его. Это был Толик! Что это он, интересно, делает в их квартире среди ночи? Толик подошел к кровати и уставился на Ники сверху вниз угрюмым взглядом.

– А если не случайность? – спросил он. – А если ее позвали? Вероника!

Ники открыла глаза, как загипнотизированная. Сопrotивляться его голосу было невозможно. «Я сплю, – подумала она. – Точно, сплю».

– Говори, – прошипел Толик, склоняясь над кроватью. – Кто открыл тебе Вход?

Губы Ники зашевелились, и через мгновение она с удивлением услышала свой ответ:

– Я сама его открыла.

Мама и Толик уставились на Ники.

– Но как это возможно? – ахнула мама.

– Я пела песню...

– Какую? – резко спросил Толик. – Стой, не надо! Кто тебя научил?

– Никто. Я ее подобрала сама...

– Ты ее где-то слышала прежде?

– Да.

– Где?!

– В темноте...

На этом слове голос Ники истаял, как догоревшая свеча, глаза закатились. Мама, закусив губу, положила ладонь ей на лоб. От ладони исходило приятное тепло, и Ники снова провалилась в забытие. Последнее, что она услышала, был встревоженный голос Толика:

– Ну и что нам теперь с ней делать?

Глава 11

Хижина отшельника

Минут десять Лешка и Виктор молча пробивались сквозь толпу. Сянь шагал так быстро, что Лешка за ним едва поспевал. Наконец толчея у метро осталась позади. Они перешли Шува-ловское шоссе, спустились с обочины на велосипедную дорожку, прошли шагов сто, и Виктор свернул вниз, к пляжу. Новостройки остались по ту сторону шоссе. В этот час засыпанные снегом Суздальские озера выглядели мрачно и пустынно. На дальнем берегу Верхнего озера мелькали огоньки автомобилей и горели окна таун-хаусов. Впереди снеговой тучей нависала гора. На горе росли сосны.

– Куда мы идем? – задыхаясь от быстрого шага, спросил Лешка.

– Ко мне. – Виктор указал на гору, на крутой склон, где сосны росли погуще и темнели заросли каких-то кустов.

– Престижное место, – тоном знатока заметил Лешка. – Тут, наверно, самая дорогая земля в городе. Мой папа...

– Леха, – проникновенным тоном перебил его Виктор. – Ты даже не представляешь, во что меня втравил! Так хоть помолчи несколько минут.

– Если вы так уж боитесь, то в любой момент можете вернуться к вашим бандитам, – обиделся Лешка. – Скажите, что стояли в пробке и опоздали на встречу. Сейчас все так говорят... Кстати, может, расскажете, наконец, кто был тот тип на «инфинити»?

– Тебе-то что? – раздражительно бросил Виктор.

– Как это «что»? – возмутился Лешка. – Я должен знать!

– Есть вещи, которые тебя не касаются.

Лешка прикусил губу и решил зайти с другой стороны.

– Понимаете, – вкрадчиво начал он, – если я захочу вам помочь, мне нужно адекватно представить ситуацию. Вот мой папа сказал, что это была обычная внутренняя разборка между бандитами, и поэтому посторонним нечего вмешиваться...

– Мудрый человек твой папа, – одобрительно кивнул Виктор. – Значит, обычная бандитская разборка? Очень хорошо.

– Но мы-то с вами знаем, что все было совсем не так! – повысил голос Лешка. Он твердо решил, что не позволит Виктору увильнуть от ответа. – Если вы мне честно расскажете, кто хотел меня увезти и чем они вам угрожают, папа отнесется к вашим проблемам совершенно по-другому!

– Отношение твоего папы к моим проблемам меня полностью устраивает.

Лешка сокрушенно вздохнул.

– Ну расскажите, кто это был! – заныл он.

Сянь усмехнулся.

– Надо же, как тебе нейдет меня спасать!

– Разумеется! Я же вам обязан жизнью!

– По-моему, тебе просто интересно.

– Ладно, ладно – мне просто интересно. Неужели так трудно сказать правду?

– Да вообще-то трудно.

– Почему?

– Понимаешь, чтобы объяснить тебе, кто хотел тебя увезти и куда, придется рассказывать о других вещах, которые тебя не касаются.

Лешка открыл рот и закрыл его, махнув рукой. С полминуты они шли молча по велосипедной дорожке. Справа, плюясь коричневой снежно-соляной кашей, проносились автомобили, слева в темноте молчали озера.

– Вы хоть намекните, – уныло попросил Лешка, уже не надеясь на ответ. – А то я тут уже такого себе навоображал...

– Чего же именно? – с легким интересом спросил Виктор.

Лешка, смущаясь, честно рассказал о Смерти, которая приходит в облике братка на черном джипе. Виктор внимательно выслушал. Под конец он улыбнулся, но не насмешливо, а скорее ободряюще.

– Расслабься, парень. Ты ему сильно польстил.

– Я ошибся? – обрадовался Лешка. Он и сам удивился, как ему полегчало. – Так кто же он? Просто бандит?

– Почему ты думаешь, что я знаю?

– Вы же с ним знакомы!

Сянь сразу посуровел.

– Нет, не знаком. Но таких, как он, я прежде встречал. Его статус я определил с первого взгляда. Сам по себе он – не особо крупная фигура. Но нельзя его недооценивать. Он может быть очень опасен. Не вздумай еще раз подворачиваться у него на пути или, хуже того, впутывать отца или предпринимать какие-то там «меры».

Лешка слушал во все уши.

– А кто его за мной послал?

– Его послал тот, кто организовал жертвоприношение.

– Кто?

– Вот честное слово, понятия не имею. Сам хотел бы знать. Могу только строить предположения. Кое-какие мысли у меня есть, но поскольку это одни домыслы, то с тобой делиться, уж извини, не буду.

– То есть этот мужик был типа посланник?

– Он не просто посланник, он палач.

– Палач? Это кто людей убивает?

– Вот именно.

Сянь внезапно свернул с велосипедной дорожки к озеру и пошел вверх, на гору. Вскоре из темноты выступили остатки старинной каменной стены. Сянь проскользнул в трещину, расколовшую сверху донизу древнюю стену. Лешка устремился за ним и угодил в густые колючие заросли боярышника. Где-то в глубине кустарника темнела двускатная крыша одноэтажного дома. С непривычки Лешка зацепился за колючки и едва не оставил в кустах шапку. Если бы не Виктор, ему бы и в голову не пришло, что вообще можно пролезть через эту живую преграду.

Вблизи дом Виктора его разочаровал. Он оказался заурядной дачной постройкой – деревянной, обшитой желтой вагонкой, с крошечной застекленной верандой и крыльцом с козырьком на двух резных столбах.

– А может, все это не случайно, – пробормотал Виктор, звеня ключами.

– Чего?

– Я начинаю склоняться к мысли, что наша сегодняшняя встреча – какой-то знак. Впрочем, это мы сейчас узнаем.

– В каком это смысле «узнаем»? – насторожился Лешка. Сянь по обыкновению вопрос проигнорировал. Он отомкнул дверь, нащупал выключатель, повернул его и отступил на шаг, пропуская вперед гостя.

– Заходи и сразу снимай обувь. Я обычно хожу по дому босиком.

Прихожей как таковой в доме Виктора не было – скорее, крошечный холодный предбанник, где висели верхняя одежда и сухие березовые веники, а также стоял здоровенный газовый

баллон. Дом был невелик: коридор, две комнаты, кухня и веранда. Внутри было тепло, пахло нагретой печкой и сушеной мятой. Крашеные половицы были чистыми до блеска.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.